

С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества
(вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»)

Статья посвящена переизданной в 2019 году книге С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе», вышедшей впервые в 1971 году. Дается общий обзор творчества ученого, выделяются два основных периода в его развитии – ранний и поздний, или, соответственно, советский и постсоветский, специально-юридический и философско-правовой, теоретический и практический, реформаторский. Эти два периода соответствуют и двум эпохам в жизни российского общества. Упомянутая книга написана в первый период творчества мыслителя и является ярким исключением из его работ раннего, специально-юридического периода и в то же время показывает, что фундаментальные основания его учения оставались одинаковыми на протяжении всей его творческой жизни – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем», а также неустанное внимание к правовому просвещению как важнейшему средству повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. В книге выделяются непосредственная ценность права – закрепление и обеспечение им организованности и упорядоченности общественных отношений, в том числе закрепление положения личности в обществе, ее прав и свобод, где высшая социальная свобода – это свобода от эксплуатации, и ценность опосредованная, когда право выражает и закрепляет иные, в том числе общечеловеческие, социальные ценности, нормы нравственности, прогрессивные элементы демократической культуры. Право является поэтому также экономической, политической и духовной ценностью. Анализируется дефиниция права, которая в данной книге имеет непозитивистскую природу, поскольку связывается мыслителем с требованиями к внутреннему содержанию норм права в виде соответствия их началам справедливости, наличию субъективных прав и определенной самостоятельности субъектов. Главной идеей книги можно назвать идею о том, что социалистическое (социализм выступает здесь как идея, а не как практика) право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение ее от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность, субъективные права и свободы трудящихся, а также обеспечивает высокий уровень организованности и порядка в жизни общества, противостоящих произволу.

Ключевые слова: социальная ценность; право; ценность права; общечеловеческие и классовые ценности; философия права; специально-юридическая теория права; догма права; доктрина; права и свободы личности; достоинство личности; свобода; равенство; справедливость; социализм; коммунизм; марксизм; классовый подход; социалистическое право; социалистическая законность; антиэксплуататорская сущность социалистического права; объективные свойства права; нормативность; формальная определенность; принудительность; динамизм; правовые конструкции; правоположения; субъективное право.

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенный профессор Университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-1 (Франция).

Благодарности

Выражаю свою признательность д. ю. н. С. И. Архипову, д. полит. н. С. И. Глушковой, д. ю. н. В. Б. Исакову, д. ю. н. С. А. Степанову, д. ю. н. Н. Н. Тарасову и аспиранту О. А. Шипицину, прочитавшим рукопись статьи и высказавшим ряд полезных советов и ценных замечаний, которые были мною во многом учтены при написании окончательного варианта настоящей статьи. Возможные погрешности остаются, разумеется, на моей совести.

1. Жизненный путь – высокая миссия. Сергей Сергеевич Алексеев (28.07.1924–12.05.2013) – выдающийся советский и российский ученый – жил в двух разных эпохах – советской, социалистической и в самом начале современной, демократически-правовой и рыночно ориентированной. Он служил своей Родине и во время военных испытаний (1941–1945 гг.)¹, и в мирное время: делал все, что было в его силах для того, чтобы страна развивалась и процветала, чтобы поставленные обществом цели – свобода, равенство, братство, отсутствие эксплуатации – были достигнуты, и, как юрист, полагал, что совершенное Право есть одно из важнейших средств для решения поставленных задач и одновременно – важнейшая ценность и цель, которая достойна того, чтобы к ней – самой по себе – стремиться, ибо стремление к Праву приводит общество в целом к гармонии и способствует большей защите прав и свобод отдельного человека.

2. Актуальность и ценность. Книга С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»² вышла из печати в 1971 году, и это была совсем другая эпоха, другая страна, другое – советское, социалистическое – общество. В чем сегодня актуальность и необходимость переиздания этой работы, вышедшей почти полвека назад в условиях, кардинально отличающихся от современных? В том, что обсуждаемые в ней проблемы относятся к числу фундаментальных в правоведении; в том, что Право – это величайшая социальная ценность и в современном обществе тоже; в том, что весьма важные, вытекающие из этой идеи требования, не реализованы в России до сих пор, а о некоторых из них российская социально-гуманитарная наука перестала даже и говорить, как будто это – проблемы вчерашнего дня и сегодня они «решены» или никого не интересуют (например, об антиэксплуататорской сущности права, о которой писал в этой книге С. С. Алексеев и к чему нам явно надо стремиться сегодня в процессе формирования и развития новой правовой системы России). В том, что «объективная тенденция усиления и углубления правовых начал» действует и сегодня, но не автоматически, а лишь при условии необходимых и достаточных усилий политической элиты и профессионального правового сообщества, а также в том, что указанная тенденция «находит в положениях о социальной ценности права адекватное теоретическое выражение» (с. 221 данного издания³).

Актуальность и необходимость переиздания этой книги также в том, что советские ученые-юристы в лице таких ее выдающихся представителей, как С. С. Алексеев, подготовили почву для современного этапа развития российской юридической науки и правовой практики, разрабатывали идеи, ряд из которых был включен позже (хотя и в иной формулировке) в нынешнюю Конституцию России, чего

¹ Сергей Сергеевич был призван на службу в августе 1942 года (см.: Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед. Мыслитель. Публицист. Библиография: К 85-летию со дня рождения ученого / М. Ф. Казанцев, В. Н. Руденко, Е. М. Сурина; отв. ред. В. Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – С. 27).

² Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – М.: Юридическая литература, 1971. – 223 с. Переиздание: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019.

³ Нумерация страниц в данном издании совпадает с нумерацией в издании 1971 года.

не следует забывать, так как вклад советской юридической науки в нынешнее правовое развитие нередко незаслуженно умалется.

3. Две страны – два периода жизни и творчества ученого. В творчестве Сергея Сергеевича Алексева следует выделить, хотя и в определенном смысле условно, два крупных этапа: ранний и поздний, которые в данном случае можно назвать советским и постсоветским периодами, или, соответственно, специально-юридическим⁴ и философско-правовым, или, наконец, теоретическим и практическим, реформаторским (в зависимости от критерия, по которому проводится данное деление), что дает основание говорить о «двух» Алексеевых точно так же, как говорят, например, о раннем и позднем Марксе, о докритическом и критическом периодах в творчестве Канта и т. д. Это – вполне устоявшаяся традиция в анализе научного наследия крупных мыслителей, показывающая различные качественные ступени в развитии их научного творчества.

В советский период у С. С. Алексева не было системы работ (когда какие-то идеи открываются, «нащупываются» в одной, а потом развиваются в последующих работах), посвященных философии права (кроме некоторых фрагментов в крупных трудах и ряда отдельных статей). В первый, ранний период своего творчества ученый занимался главным образом и почти всецело разработкой специально-юридической проблематики⁵ – теорией права и юридической догматикой, осуществлял аналитический и инструментальный анализ права. Что касается книги «Социальная ценность права в советском обществе», то она является очевидным и весьма успешным исключением из всех его специально-юридических работ раннего периода, что придает ей особый интерес и интригу. Последняя усматривается в том, что ученый, с одной стороны, придерживался в основном позитивистского подхода к праву, а с другой – обосновывал ценность права, рассматривая его «как своего рода высокую *общечеловеческую ценность*, выразителя прогресса человеческого общества» (с. 160), а также анализировал закрепленные в праве общественные и личные идеалы, что фактически выводит его правопонимание за рамки позитивизма уже в советский период. Во введении к книге автор пишет, что «ценностная (аксиологическая) характеристика явлений окружающей

⁴ С. С. Алексеев выделял в рамках единой теории права относительно обособившиеся группы проблем, которые он обозначал как вопросы «философии права», «социологии права», «специально-юридической теории (общей позитивной теории)». В рамках последней он выделял два уровня (см.: Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 18–22). Позже в правоведении ученый выделил догму (аналитическую юриспруденцию), теорию (общую (инструментальную) теорию права) и философию права (см.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001). В работе «Право: азбука – теория – философия» догму права автор называл азбукой права (см.: Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С. 3). Первые два уровня можно обобщенно назвать специально-юридической проблематикой.

⁵ Укажем лишь основные работы этого периода: Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961; Общая теория социалистического права : курс лекций : в 4 вып. – Свердловск, 1963–1966 ; Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Свердловск, 1972–1973 ; Общая теория права : курс : в 2 т. – М., 1981–1982 ; Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966 ; Структура советского права. – М., 1975 ; Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989 и др. Заметим также, что склонность мыслителя к философско-правовым рассуждениям и обобщениям находила свое определенное выражение и в первый период его творчества тоже, и не только в отдельных фрагментах специально-юридических работ и некоторых научных статьях, но и в публицистике советского периода, где можно найти отдельные философско-правовые размышления. Понимая, что правовое воспитание и правовое просвещение являются важнейшими и необходимейшими средствами обеспечения господства права в жизни общества, развития его правовой культуры, автор считал своим долгом делать свой посильный вклад в ее развитие, публикуя работы, рассчитанные на не юристов, а на широкий круг читателей (см., напр.: Алексеев С. С. Право и наша жизнь. – М., 1978 ; Его же. Азбука закона. – Свердловск, 1982 и др.).

действительности призвана расширить наши представления о мире, раскрыть в нем новые грани и связи... Ценностная характеристика охватывает и социально-политические явления, в том числе область права» (с. 4). Указанная характеристика «во всех аспектах особенно важна по отношению к такому социально-политическому институту, как право. Оно нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений» (с. 7). При этом чуть ранее, комментируя (в сноске) взгляды философов на исследуемую тему, автор отмечает, что «категория “ценность” потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека» (с. 3). Обсуждение же идеалов и ценностей, как известно, не входит в предмет позитивистской теории права. Вспомним то, что писал, например, по этому поводу В. С. Нерсесянц, называя легизмом один из крайних вариантов позитивизма: «Теоретико-познавательный интерес легизма полностью сосредоточен на действующем (позитивном) праве. Все, что выходит за рамки эмпирически данного позитивного права, все рассуждения о сущности права, идеи права, **ценности права** и т. д. позитивисты отвергают как нечто метафизическое, схоластическое и иллюзорное, не имеющее правового смысла и значения» (выделено нами. – А. С.)⁶. Это – очень верная констатация, ибо «настоящий» позитивист не будет обсуждать и доказывать ценность права, отстаивать какие бы то ни было идеалы, которые оно закрепляет: подобные вопросы его совершенно не интересуют.

Особый интерес работы «Социальная ценность права в советском обществе» еще и в том, что в поздний – постсоветский, философско-правовой – период своего творчества С. С. Алексеев вернулся к вопросам ценности права в книге «Тайна права», которая получила даже соответствующий, посвященный теме ценности права, подзаголовок: «Его понимание, назначение, социальная ценность» и уже во введении начинается словами: «Эта книга о праве. О том, что право – великая ценность, наше убежище и надежда, опора в делах, свершениях и бедах»⁷. Читатель может сравнить рассуждения юриста-мыслителя о ценности права в советский период с тем, что он написал на эту тему в поздний период своего творчества, и заметить, что при наличии ряда общих, базовых позиций, ученый продвинулся далеко вперед⁸. Теме «ценность права» автор продолжал уделять внимание и в дальнейшем, в других своих работах как специально-юридического, так и философско-правового профиля.

Таким образом, несмотря на указанное и весьма показательное исключение философско-правового характера, в советский период основное внимание ученый уделял специально-юридической теории права. В постсоветский период у С. С. Алексеева, напротив, нет практически ни одной работы (не то что монографии, а даже статьи), которая была бы полностью и исключительно посвящена лишь специально-юридической проблематике – ученый стал работать, главным образом, в русле философии права, а догма и теория права, которым автор по-прежнему уделял достаточно много внимания, стали рассматриваться уже в ином аспекте – как своеобразное основание или как подтверждение его философско-правовых рассуждений, т. е. аналитическая и инструментальная (общая) теория права рассматри-

⁶ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М., 1998. – С. 11.

⁷ Алексеев С. С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. – М., 2001. – 176 с.

⁸ Детальная проработка указанного тезиса стала бы предметом самостоятельного исследования. Данная же вступительная статья посвящена краткому анализу переиздаваемой работы, и, пожалуй, даже не столько анализу, сколько расстановке некоторых акцентов, на которые хотелось бы обратить особое внимание читателя, и поэтому при отсылке к идеям и положениям переиздаваемой книги будет использовано в основном цитирование, чтобы точно передать мысли ученого.

вается им теперь на другом уровне или в другом контексте – в контексте философско-правовых идей, которые ученый в основном обсуждал и развивал в этот период.

Почему второй этап своего научного творчества⁹ ученый посвящает анализу прежде всего философско-правовых идей? Потому что в постсоветское время встала проблема философско-методологического обоснования нового права, новых правовых идей: старая идеология разрушилась, показав свою никчемность и тупиковость, свой античеловеческий и агрессивный характер. Соответствующая ей методология была дискредитирована своими идеологическими основаниями и предпосылками, на которые она во многом опиралась, и потому появилась объективная потребность в поиске новых ориентиров в развитии общества, государства и права, в поиске иной методологии, в постановке и обосновании новых целей развития, в утверждении достоинства личности и ценности человеческой жизни не только в теории, но и на практике. И Сергей Сергеевич одним из первых понял эту необходимость, понял принципиально новый контекст ее проявления и стал реализовывать эту объективную потребность российской науки и трансформирующегося социума во всех своих работах постсоветского периода, не оставляя, конечно, совсем своей ранее самой главной – специально-юридической – линии, ставшей в перестроечное и постперестроечное время далеко не основной, хотя и по-прежнему очень и очень важной (разумеется, сюда не включаются поздние переиздания ранних специально-юридических трудов в области догмы права, т. е. тех, которые были написаны еще в советское время).

Два периода в творчестве С. С. Алексеева соответствуют двум этапам, двум кардинально различным эпохам в жизни нашего общества. Рассматривать их с формационной ли или с цивилизационной точки зрения – в любом случае мы увидим, что это две фундаментально различные социальные, экономические, политико-правовые, культурные и т. п. системы – различные общественно-исторические эпохи. В конце прошлого века в России произошла смена цивилизаций – от советской, утопически ориентированной на построение рая на земле, мы вернулись к своим цивилизационным корням и соответствующим им ценностям, которые начали формироваться в России еще до Октябрьского государственного переворота 1917 года и которые другие народы давно уже стремятся воплотить на практике – это такие идеи и ценности, как достоинство и права человека, демократия, гражданское общество, правовое и социальное государство, рыночное хозяйство, солидарность и т. д. С формационной же точки зрения произошла смена общественно-экономических формаций (если использовать марксистский подход, даже понимая его ограниченность и не подтвердившиеся на сегодня гипотезы,

⁹ Назовем также самые известные работы С. С. Алексеева указанного периода: Теория права. – М., 1993. – 2-е изд. – М., 1995 ; Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М., 1997 ; Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М., 1998. – 2-е изд. – М., 2013 ; Право: Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999 ; Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М., 2000 ; Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – 2-е изд. – М., 2002 ; Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: Резюме с претензией. – М., 2001 ; Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. – 2-е изд. – М., 2009 и другие, в том числе публицистические, работы, где (и в первый, и во второй период) мыслитель обычно высказывает и свои философско-правовые взгляды. Назовем лишь некоторые книги (были еще и статьи, разумеется) краткой переходной стадии, когда завершаются публикации первого периода («Общие дозволения и общие запреты в советском праве», 1989) и начинают формироваться подходы второго периода: Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы. 1987 ; Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. – М., 1988 ; Перед выбором. Социалистическая идея: настоящее и будущее. – М., 1990 и др. Второй период творчества ученого начинается в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века.

касающиеся «коммунистической стадии» развития общества), а именно: возврат от социалистической эпохи к капиталистической; от полного запрета частной собственности к ее признанию и защите; от оценки человека как «винтика», средства построения светлого (но, как оказалось на деле, – лишь в кавычках: «светлого») будущего к признанию личности в качестве высшей ценности общественного развития; от планового хозяйства – к рыночному; от авторитарного режима – к режиму, который хотя и с большой неохотой, но вынужден идти постепенно к демократическим способам управления обществом, и т. д. Если оценивать изменения по критерию уровня защиты прав и свобод человека (этот подход соединяет одновременно формационные и отчасти цивилизационные критерии, ибо второй период – это уже новая и во многом единая – ориентированная на человека – цивилизация), то можно констатировать переход (самые первые его шаги) от социалистического типа общества, государства и права к персонистскому типу государственно-правовой системы и соответствующей организации жизни социума в целом¹⁰. Разве мог в этих условиях выдающийся мыслитель-правовед, каким был С. С. Алексеев, оставаться в прежних специально-юридических и порой вынужденно весьма узких рамках исследования, в рамках одной только догмы права? Разумеется, нет, и поэтому вполне закономерно начался второй – философско-правовой в науке и реформаторский в области политики и права на практике – период в творчестве ученого. Книга «Социальная ценность права в советском обществе» позволяет показать, как в ранний период зарождались и выражались идеи, которые были в полной мере развиты позже, в постперестроечную, постсоветскую эпоху, т. е. показать, что фундаментальные основания мысли ученого были заложены еще в советское время, и, зная работы С. С. Алексеева позднего периода, можно сказать, что они оставались таковыми на протяжении всей его научной и практической деятельности. Поэтому повторим, что есть некоторая, вполне понятная и определенная условность в выделении двух периодов в его колоссальном и очень важном для российской юридической науки творческом наследии.

Выше, в словосочетании ««два» Алексеева» первое слово взято в кавычки потому, что, несмотря на наличие двух этапов в развитии научного творчества С. С. Алексеева, мы можем констатировать, что глубинное основание его учения было неизменным, т. е. общим для обоих периодов, – это пиетет перед Правом как важнейшей социальной ценностью и достоинством личности, ее правами и свободами, закрепленными в Праве, которое является их «хранилищем»¹¹, а также

¹⁰ О социо- и персонистстве см.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург : Изд-во Уральской юридической академии : Изд-во Гуманитарного университета, 1996 ; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 1996 ; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Типы правовой культуры и этапы правового развития // Вестник Гуманитарного университета. Серия «Право». – 2002. – № 1 (3). – С. 44–77 ; Его же. Персонистская правовая культура и уровень свободы в обществе: сравнение различных подходов // Коллизии свободы в современном обществе : материалы научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 мая 2003 г.). – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – С. 224–252 ; Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – С. 317–323 (4-е изд.: 2011, 2013) ; Его же. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персонистский подход к праву и правовой культуре // Права человека: энциклопедический словарь / отв. ред. С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009 (2012, 2013). – С. 25–41 ; Его же. Персонистский подход к праву и правовой культуре // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). – С. 86–94 ; Его же. О персонистском и социалистическом типах государства и права как теоретической конструкции // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3(45). – С. 7–14 и др.

¹¹ Право как «хранилище» субъективных прав и свобод трудящихся – это формулировка ученого (см.: Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. С. 186). Об этом будет еще сказано далее.

неустанное внимание к правовому воспитанию и просвещению как важнейшим и необходимейшим средствам повышения правовой культуры общества и обеспечения господства Права в его жизни. Только в разные периоды научной, а позже еще и реформаторской деятельности ученого, которые соответствовали двум принципиально различным эпохам жизни нашей страны, эти идеи находили неодинаковое словесное и практическое выражение. Так, закрепленная ныне в ст. 2 Конституции России идея о правах и свободах человека как высшей ценности, которой ученый придавал громадное значение, работая над проектом Основного закона и настаивая, чтобы это положение открывало Конституцию, т. е. было закреплено уже в первой ее статье, в советское время выражалась им иначе – согласно устоявшемуся в то время дискурсу и принятым в юридической науке подходам: «социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность» (с. 216). Понятно, что если сделать поправку на социально-политический и иной контекст, то, по сути, перед нами практически идентичные идеи и в любом случае одинаковые основания учения С. С. Алексеева о праве и его предназначении в обществе, которые были нерушимым фундаментом его научного творчества обоих периодов.

4. Коммунизм и социализм – выдающиеся идеи и антигуманная практика. И здесь же сразу надо сделать одну исключительно принципиальную оговорку по поводу «социалистического общества» и «коммунизма» как цели, которая была написана на знаменах СССР. Коммунизм и его первая фаза – социализм – в той форме, как эта фаза задумывалась классиками марксизма-ленинизма, оказались полнейшей утопией, а средства их построения иначе как антигуманными (а часто преступными) и не назовешь! Означает ли это, что все идеи, которые обсуждались юридической наукой советского периода, и в том числе применяемая ею марксистская методология, классовый анализ общества и т. д., нужно выкинуть на свалку истории? Или же что-то необходимо оставить для нового общества, в котором мы сейчас живем и основные параметры которого закреплены в действующей ныне Конституции России? Ответ на последний вопрос будет, конечно же, положительным, а на предыдущий – соответственно, отрицательным: и марксистская методология, и классовый анализ социальных отношений, и значительная, подавляющая часть идей, разработанных советской юридической доктриной, имеют непреходящую ценность и сегодня. Если коммунизм как окончательная цель общественного развития оказался утопичным, а средства достижения этой цели – преступными в значительной своей части и антигуманными в целом, то это не означает еще, что основные идеи, на которых базировался невиданный в истории социальный эксперимент, должны быть отброшены полностью и навсегда. Речь идет о стремлении к высшей социальной справедливости и устранению эксплуатации в обществе, об идеях действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми и т. д. (см. с. 27 и др.). Именно потому, что коммунистический эксперимент взывал к этим идеям, он и оказался столь привлекательным и столь долго – почти три четверти прошлого века – нерушимым. Привлекательность коммунистической идеи такова, что Н. А. Бердяев – великий мыслитель, исследователь истоков и смысла русского коммунизма – пришел к выводу о невозможности опровергнуть коммунизм рационально, теоретически. Единственный путь его краха – это его самоистребление, когда коммунистическая идея покажет свою практическую нереализуемость, а основные средства достижения этой утопии в силу их крайнего человеконенавистничества войдут в резкое противоречие с намеченными ею целями и приведут, в конце концов, к деградации

многих областей жизни общества, что и произошло на практике в СССР в прошлом веке¹².

Вот на этом парадоксальном противоречии (целей и средств их достижения) необходимо остановиться подробнее, так как оно вызывает непонимание, а потому и совершенно неадекватную критику в адрес ученых советского периода в области социальных наук. Подобного рода необоснованные и резко противостоящие здравому смыслу претензии предъявлялись и С. С. Алексееву¹³. Советские ученые восхваляли не средства, тем более насильственные и жестокие, а идеи высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, братства, солидарности и запрета эксплуатации, которые были написаны на знаменах строителей коммунизма. Мало кто приветствовал террор, массовые репрессии по отношению к своим соотечественникам, тоталитарные, а затем авторитарные методы руководства обществом. К сожалению, были и такие, кто выступал за подобные методы насильственного осчастливливания советских граждан, однако С. С. Алексеева в их числе, разумеется, не было и быть не могло. Его отец был незаконно репрессирован, и это не могло не сказаться на молодом человеке, которому приходилось жить с клеймом сына «врага народа», не могло не оставить глубокого, трагического следа в душе ученого на всю его жизнь¹⁴, и поэтому предъявлять С. С. Алексееву претензии за прославление советского режима было бы крайне неразумно. Безусловно, С. С. Алексеев искренне разделял идеи социальной справедливости, свободы, равенства, братства, отсутствия эксплуатации и полагал, что Право, как одно из важнейших средств достижения этих идей, уже само по себе есть реализация свободы, равенства и социальной справедливости в обществе. Поэтому когда мы находим в его работах советского периода защиту социалистического и коммунистического идеала, социалистического права, то надо понимать, что автор имел в виду именно указанные целевые установки и идеи, к которым официально и призывала коммунистическая идеология. Даваемая же автором позже критика советского периода относится к насильственным средствам осуществления коммунистической идеи, к тому, что в своей реальной практике возглавляемая Коммунистической партией советская власть пошла против тех идеалов, к которым призывала на словах.

Если посмотреть на идеологические дискуссии советского времени, в которых принимал участие и С. С. Алексеев, то в них явно видно это разделение на идеальное и реальное: идеальное – это то, к чему официально стремилось советское государство, и реальное – это то, что получалось на практике и что не только не соответствовало идеальному, а часто было ему прямо и резко противоположно. И поэтому критика со стороны наших буржуазных оппонентов, или, как ее называли тогда, «антикоммунистическая пропаганда», справедливо была направлена на то, что, несмотря на провозглашенные коммунистической идеей красивые цели, на практике используются в основном преступные средства их достижения. В то же самое время советские ученые защищались и одновременно наступали на представителей «антикоммунистической пропаганды», указывая в первую очередь на эти возвышенные цели и идеалы и лишь иногда делая вынужденные ого-

¹² См.: Семитко А. П. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к 100-летию Октябрьского государственного переворота в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19). – С. 32–72.

¹³ См., напр.: Тилле А. А. Право абсурда: социалистическое феодальное право. М. : МП «Конт», 1992. – 239 с.

¹⁴ См.: Эпоха Сергея Сергеевича Алексеева [Электронный ресурс] : кинопроект-трилогия / автор идеи и сценария С. А. Степанов. – Фильм первый : Восхождение к праву. – Екатеринбург : Музей С. С. Алексеева : УрГЮУ, 2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H9XSVmbYObw> ; Сергей Сергеевич Алексеев: биографический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Справочный том / сост. М. Ф. Казанцев. – М., 2010. – С 159–160.

ворки о том, что допущенные «отдельными лицами», в том числе партийными лидерами, злоупотребления осуждаются, отвергаются, партия «исправляется» и т. д., и т. п. Можно привести одно из многих и весьма симптоматичных высказываний С. С. Алексеева в этой жесткой идеологической дискуссии, где хорошо видно, что автор не защищает то, что невозможно защищать, – реальную практику бесправия, произвола и репрессий эпохи социализма («первой фазы коммунизма»), а говорит лишь о том, что идеи и цели коммунизма – неоспоримы (обратите внимание, что он пишет именно о коммунизме как поздней стадии прогрессивного общественного развития, которая должна быть достигнута в будущем): «Представления о несовместимости коммунистического строя с правом и законностью усиленно культивируются идеологами империализма, пытающимися “доказать”, что коммунизм представляет собой режим “бесправия и произвола”, ограничения прав и свобод, подавления личности.

Это – клевета, основанная на прямом извращении идей Октября...» (с. 222). Вот – основная суть позиции советской общественной науки в целом и С. С. Алексеева в частности в этой идеологической борьбе: «антикоммунистическая пропаганда» извращает **идеи и цели Октября**, с одной стороны, **и тот строй, который только планируется построить в будущем – коммунизм** и который к тому моменту еще не наступил (и только теперь – после почти семидесятипятилетней «проверки» этой идеи – мы узнали, что он никогда и не наступит). О практике их реализации, т. е. о реальном социализме, ученый вообще ничего не говорит (и сказать-то в его оправдание ничего было невозможно, не покрывив душой перед истиной и совестью, чего ученый никогда не делал), речь идет только об идеях, на которых он базируется, и о не наступившем еще желаемом будущем. И такое утверждение истинно во всех смыслах, в том числе и в терминах формальной логики. Оно было истинно в советскую эпоху, остается истинным и сегодня: если брать идеи Октября, коммунистические идеалы, то они, действительно, – возвышенны и совершенны, а потому опровергнуть их рационально, теоретически, как верно заметил Н. А. Бердяев, невозможно. Проблема в том, что буржуазные оппоненты критиковали реальный социализм, а его сторонники защищали – вымышленный, идеальный, в который они, однако, искренне верили как в первую фазу коммунизма, а потому дискуссия могла длиться бесконечно, однако во всех случаях безрезультатно, ибо каждая сторона этого жесткого идеологического противостояния говорила «про свое». В том же ключе надо понимать и тезис ученого о том, что *«одной из великих ценностей социализма является социалистическое право»* (с. 8), т. е. ценностью социализма как идеи является социалистическое право как идея, идеал и как цель, к которым, согласно официальным лозунгам, стремилось советское общество. То, что это стремление оказалось в основном тщетным и по определению утопичным, стало понятно далеко не всем и далеко не сразу. Нет никакого смысла и было бы крайне несправедливо предъявлять какие-либо претензии советской науке, как и всему обществу, по поводу их веры и стремления к идеалам, которые оказались недостижимыми.

В любом социуме есть запретные для обсуждения и для исследования темы; и советское, социалистическое общество – не исключение. Правда, от уровня свободы в анализе «неудобных», «трудных», «неприятных» социальных проблем зависит и степень эффективности их решения в каждом конкретном случае: если свобода минимальная или отсутствует практически вовсе (как это было в СССР, особенно в период тоталитарного режима, начавшегося практически сразу же после Октября 1917 года и продолжавшегося примерно до конца 50-х годов прошлого века), то общество может и не пережить тех трудностей, которые предпочитало не замечать. Если же свобода мысли и слова, уважение к публичной дискуссии по сложным социальным вопросам поддерживается и защищается данным общест-

вом, его элитами и институтами, то имеется надежда на благоприятный исход, т. е. на преодоление возникающих проблем, трудностей и противоречий. Поэтому чем более зрелая, более «взрослая» политическая и правовая культура в том или ином социуме, тем больше у него перспектив прогрессивного, поступательного развития. Советский режим ограничивал творчество ученых очень жестко: сначала был установлен прямой террор (и уничтожение ученых с «неверными» и «плохими» идеями), а потом – открытая цензура. Даже один только простой призыв диссидентов к советской власти «Соблюдайте свою Конституцию!» приводил в то время к тюремной и (или) психиатрической расправе над этими людьми, которые оказывались «инакомыслящими», хотя сказали-то всего лишь то, что если написаны правильные и красивые слова в Конституции СССР, то надо их подтверждать на практике. Сергей Сергеевич всегда говорил, и в советское время тоже, что надо уважать право – соблюдать законы, исполнять требования социалистической законности, что, по существу-то своему, одно и то же с вышеупомянутым диссидентским призывом, хотя и сказанное совсем в иной форме! Эта академическая форма была, пожалуй, очевидным максимумом возможного в условиях жесткого авторитарного режима для того, чтобы отстаивать идею и ценность Права, что и делал С. С. Алексеев и в советский и в постсоветский периоды своего творчества. Позже, в условиях перехода к демократии и персонцентристскому обществу, он смог говорить уже вполне свободно и открыто все, что накопилось в душе в условиях прежнего жесткого идеологического диктата, практиковавшегося в СССР до начала перестройки.

В советский период С. С. Алексеев делал все то, что могло принести обществу максимальную на тот момент пользу и что могло быть понято и принято общественным сознанием, «руководящей и направляющей» его силой, которая вела нашу страну в тупик. В постсоветский период возможностей принести пользу обществу стало многократно больше и ученый писал и делал то, что было необходимо и полезно для продвижения социума вперед, для исправления тех трагических ошибок, которые были допущены ранее, а скажи он прямо и открыто об этих ошибках в советское время, то, вполне понятно, что он не только не был бы услышан, но и более, чем очевидно, что был бы мгновенно записан в ряды врагов советского строя. Так, если в советский период феноменальные юридические знания ученого могли быть использованы на практике, самое большее в качестве народного заседателя в судебном составе народного же, как он тогда назывался, суда (а роль заседателей, как известно, была тогда крайне невелика) или найти выражение в идущих «под сукно» записках и рекомендациях в «руководящие и направляющие» органы, то в перестроечное время потенциал ученого использовался по максимуму: С. С. Алексеев стал народным депутатом СССР от Академии наук СССР, затем был избран членом Верховного Совета СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, Председателем Комитета конституционного надзора СССР, затем стал руководителем Исследовательского центра частного права, членом Президентского Совета, членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ, одним из авторов ряда важнейших законопроектов, в том числе Конституции РФ, первой и второй частей Гражданского кодекса РФ и др.

Нынешняя критика советского периода, которая проводится с демократических и гуманистических позиций, нередко вместе с водой выплескивает и ребенка, т. е., справедливо отвергая утопичность коммунистической идеи и неприемлемые средства ее реализации, забывает напроць сами по себе идеи, к которым призывала эта идеология. И получается, что как будто бы сегодня наше общество согласилось с эксплуатацией и грубыми нарушениями социальной справедливости, как будто общество не стремится уже к реальному равноправию и свободе и

т. д. К сожалению, некоторые современные политико-правовые тенденции позволяют заключить, что многое из того, что было записано верно на знаменах социалистического периода нашей истории, сегодня уже никого не волнует и, кажется, не имеет уже никакого значения. Так, если, например, гендиректор ФГУП «Почта России» может получить ежегодный доход в 400 раз больше средней оплаты в его ведомстве – государственном предприятии – и надзорными государственными органами это признается, хотя и косвенно, но, в конечном счете, как деяние правомерное (в противоречии с имеющимися официальными ограничениями в допустимых разрывах заработных плат руководителей и рядовых работников)¹⁵, то разве такой правовой механизм (законодательство и практика его реализации) имеет антиэксплуататорскую сущность? Конечно, не имеет: отрицательный ответ на данный вопрос более чем очевиден. Если на Западе услышали некоторые идеи Октября 1917 года¹⁶, то почему-то в России сегодня их напрочь забыли. Ведь эксплуатация может базироваться не только на частной собственности, но и на собственности государственной, особенно когда сама государственная власть постепенно приватизируется ее высокопоставленными носителями. При этом во всех случаях при соответствующем законодательстве, допускающем – и, обычно, путем умолчания – таковую, т. е. эксплуатацию, в том числе резкое и ничем не обоснованное неравенство в доходах, в итоге которого большие группы населения оказываются в нашей стране за чертой бедности. Механизм, установленный ст. 133 и 133.1 ТК РФ и требующий, чтобы минимальный размер оплаты труда не опускался «ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения», был бы, разумеется, очень хорош при том условии, что прожиточный минимум должен быть реальным, а не фиктивным, как это последнее пока и имеет место.

Наконец, идея социальной справедливости почему-то иногда целенаправленно изгоняется из современного законодательства, когда народные избранники исключают, например, из ст. 3 Налогового кодекса России принцип справедливости, который настолько абстрактен, что не представляет никакой угрозы кому бы то ни было, но показывает главные ориентиры и основные ценности правовой политики в данной области. Однако современный демократический законодатель считает, что налоговое законодательство не должно быть справедливым¹⁷, что, разумеется, полностью, т. е. как по форме, так и по содержанию, абсурдно и антиконституционно.

¹⁵ См.: Снят арест с астрономической премии экс-главы «Почты России» // CNews : интернет-портал. – 2018. – 7 нояб. – http://www.cnews.ru/news/top/2018-01-13_snyat_arest_s_astroномической_premii_eksglavy (дата обращения: 15.06.2019) ; Генпрокуратура: глава «Почты России» получает 95 миллионов в год без согласия Правительства // CNews : интернет-портал. – 18.11.2016. – http://www.cnews.ru/news/top/2016-11-18_genprokuratura_glava_pochta_rossii_poluchaet (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁶ Так, например, Франсуа Олланд, придя к власти в 2012 году, принял решение об ограничении разрыва в заработных платах руководителей государственных фирм и средним размером минимальных зарплат 20-кратным уровнем. См.: Le salaire des patrons du public plafonné à 450.000 euros // L'Express, L'Expansion. 13.06.2012. – URL: https://lexpansion.lexpress.fr/actualite-economique/le-salaire-des-patrons-du-public-plafonne-a-450-000-euros_1443159.html (дата обращения: 15.06.2019).

¹⁷ Первая редакция Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ формулировала последнее предложение ч. 1 ст. 3 следующим образом: «При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога исходя из принципа справедливости». Федеральный закон от 09.07.1999 № 154-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» исключает из этого предложения слова «исходя из принципа справедливости», и складывается впечатление, будто эта идея – серьезная помеха для налогового законодательства, с которой обязательно надо «расправиться» даже на декларативном, т. е. прямо и конкретно ни к чему не обязывающем уровне.

Все это позволяет сделать вывод, что многие идеи (но не средства их реализации), закрепленные социалистической идеологией и потому отстаиваемые советскими учеными, в том числе учеными-юристами, остаются актуальными и сегодня. И если проект под названием «коммунизм» (включая первую его стадию – социализм) оказался утопичным с одной стороны (по своим целям) и антигуманным – с другой (по своим жестким и в значительной мере преступным средствам), то это не значит, что надо выбрасывать на свалку истории многие ключевые идеи, которые лежали в основании этого проекта. Надо лишь сменить вектор и интенсивность их достижения, так как сами по себе многие из указанных положений отвергать не стоит, да и разве найдутся сегодня сторонники противоположных ценностей, которые будут открыто защищать эксплуатацию, социальную несправедливость, неравенство и несвободу? В вышедшем недавно фундаментальном труде по методологии юриспруденции его автор, Н. Н. Тарасов, совершенно верно отметил: «В европейской истории идеи свободы, равенства, справедливости приобрели такую тотальную привлекательность, что могут расцениваться как ведущие понятия европейского сознания с эпохи Просвещения. Как общепризнанные идеи, как базовые ценности современной цивилизации они неоспоримы»¹⁸.

5. Право как ценность есть социальное благо, полезное для общества и для личности. Рассмотрим кратко основные идеи, которые развивает С. С. Алексеев в своей работе 1971 года, делая акцент не столько на нынешних к ним комментариях, в которых эти идеи особенно и не нуждаются, сколько на отточенных формулировках (в основном в виде цитат из книги), ярких выражениях и оборотах – великолепном стиле, в котором автор выражал свои мысли и которые можно порой исказить, если излагать их «своими словами», поскольку вся глубина рассуждений ученого далеко не всегда может быть постигнута после первых прочтений его текстов и длительных, каждый раз, размышлений по поводу прочитанного.

Во введении автор анализирует, прежде всего, методологические положения, которые должны быть положены в основу ценностной характеристики права, от которых зависит и внутренняя логика изучения предмета, и система изложения материала. За основу берется определение ценности, которое принадлежит известному советскому философу В. П. Тугаринову: «Ценности – суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» (с. 3).

Далее С. С. Алексеев пишет, что «при ценностной характеристике социально-политических институтов и учреждений, в том числе права, нужно *исходить из особенностей их объективных свойств в данной системе социально-классовых отношений*».

Хотя оценочное отношение представляет собой единство объективного и субъективного, «объективный момент, т. е. свойство предмета оценки, является первичным, определяющим отношение субъекта оценки, человека и характер самой оценки...»¹⁹.

Следовательно, анализ объективных свойств представляет собой лишь предпосылку, ступень к тому, чтобы при характеристике использования этих свойств определить ценность социально-политических явлений в целом.

Наконец, право и иные социально-политические институты и учреждения *имеют не только непосредственную ценность; они, кроме того, опосредованно*

¹⁸ Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции. – М., 2019. – С. 73–74.

¹⁹ Ученый цитирует здесь слова В. П. Тугаринова (см.: Тугаринов В. П. Марксистская философия и проблема ценности // Проблема ценности в философии. – М.: Наука, 1966. – С. 16).

выражают ценность иных, связанных с ними социальных явлений, соответствующих господствующим общественным отношениям» (с. 6–7).

Право имеет непосредственную ценность, поскольку обеспечивает высокую организованность общественной жизни, и ценность опосредованную, поскольку закрепляет и обеспечивает другие социальные ценности. Право, рассмотренное в ценностном аспекте, есть «необходимый, социально полезный инструмент общественного развития» (из названия первой главы книги), есть социальное благо, – точнее, даже «значительное социальное благо» (с. 218), – которое способно принести пользу как обществу, так и личности. Однако эта польза зависит от социально-экономического, политического, социально-классового и духовного контекста общества, с которым право тесно связано, и в то же время в нем всегда выражаются общечеловеческие ценности: право «нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений. В праве, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях нельзя упускать из поля зрения и те черты, которые являются выражением, хотя и в опосредованном виде, общечеловеческих ценностей, простых норм нравственности, прогрессивных элементов демократической культуры, противостоящей **реакционной, растленной культуре эксплуататорских классов**» (с. 7; выделено нами. – А. С.).

По поводу весьма жесткой характеристики последней (культуры эксплуататорских классов) хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на «привычность», т. е. широкую распространенность таковой в советское время, явную ее привязку, прежде всего, к социалистическому дискурсу, нацеленному на идеологическую борьбу с миром капитала, актуальность подобной оценки не стала сколько-нибудь меньше и сегодня как для современного буржуазного, так и в гораздо большей мере для нынешнего российского общества, где также и, по сути, вполне открыто сформировалась определенная и весьма узкая элита, которую можно назвать эксплуататорской в самом полном, т. е. марксистском, смысле этого слова.

И еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание современного читателя, – это акцент ученого на общечеловеческом содержании права, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях с указанным содержанием. Об общечеловеческих ценностях в переиздаваемой книге говорится неоднократно (в четырех случаях), и притом обсуждалась эта идея задолго до выхода (в 1987 году) знаменитого манифеста М. С. Горбачева – «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»²⁰, – где уже открыто признавался приоритет таковых над классовыми подходами и ценностями. Понятно, что в советское время подобные реформаторские для социалистической идеологии постулаты (о *приоритете* общечеловеческих ценностей над классовыми) могли быть высказаны только первыми лицами партии и государства. С. С. Алексеев, как и некоторые другие выдающиеся советские ученые, мог лишь осторожно готовить почву для таких кардинальных оценок и выводов, но без первой – «подготовки почвы» – не было бы и вторых – новых оценок и выводов, как и последовавших за ними кардинальных перемен в жизни советских людей, перемен, нацеленных на прекращение антигуманного, провального по своим основным итогам коммунистического эксперимента и на переход к построению правового государства, развитию реальной демократии, формированию гуманных начал в жизни общества и уважения к правам человека, созданию свободной от эксплуатации честной рыночной экономики, что, как показывает наша сегодняшняя действительность, не является одновременно ни легким, ни быстрым, ни автоматическим.

²⁰ Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1987. – С. 149–150.

Наконец, неоднократное упоминание в работе о «простых нормах нравственности», о том, что ценностная характеристика права «нераздельно связана с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости», показывает, что «позитивист» С. С. Алексеев всегда говорил о связи права с нравственностью и справедливостью и даже, более того, включил последнее требование (начала справедливости) в дефиницию права, предложенную им в данной работе (с. 45, см. об этом ниже в данной статье), что является признаком непозитивистского понимания права, согласно которому, как считает известный современный философ права Роберта Алекси, «понятию права должно быть дано определение, включающее в себя моральные элементы»²¹.

Далее ученый весьма лаконично и четко определяет структуру книги: «Сначала право освещается преимущественно с точки зрения его значения в качестве социально полезного инструмента общественного развития, его особенностей как непосредственной социальной ценности – средства организации общественных отношений (глава первая), затем рассматриваются объективные свойства права (глава вторая) и, наконец, дается обобщенная характеристика ценности права с учетом тех опосредованных связей, которые характерны для права в различных областях жизни социалистического общества – экономике, политике, культуре (глава третья)» (с. 8).

6. Укрепление социалистической законности, гуманизация советского права – объективная закономерность. Хотелось бы обратить внимание читателя еще на ряд, как нам представляется, очень важных моментов. Так, на протяжении всей книги автор неоднократно анализирует категорию «социалистическая законность», при этом, как уже указывалось выше, прилагательное «социалистическая» означает, прежде всего и главным образом, нацеленность на будущее, т. е. идеальный момент. Характеристику этой категории автором можно сравнить, хотя и с определенными оговорками, с современным описанием в нашей литературе правового государства; в советское время, однако, последний концепт находился под жестким идеологическим запретом, к чему мы еще вернемся позже. В первой главе – «Право как необходимый, социально полезный инструмент общественного развития» – автор комментирует достаточно откровенное и весьма опасное для социалистической законности высказывание В. И. Ленина о диктатуре пролетариата как власти, не связанной никакими законами²², отмечая, что оно означает прежде всего то, что «диктатура пролетариата не связана никакими буржуазными законами» (с. 19). Понятно, что буквально «несвязанность» власти никакими законами должна бы относиться и к советским законам тоже, однако здесь, по мнению автора (и с необходимыми ссылками на «классиков» – как и было принято писать в советское время), подход – принципиально иной, а именно: когда советские законы изданы, они становятся основой деятельности государственных органов и должностных лиц, а потому не могут быть отброшены произвольно. Сославшись на высказывание В. И. Ленина о том, что «если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»²³, автор делает вывод, что даже в условиях острой классовой борьбы советские «законы не могут быть нарушены, отброшены в сторону; и здесь должна быть соблюдена законная процедура, выражающая правотворческий процесс: нормативные акты, препятствующие развитию революции, необходимо в соответствующем порядке “отменить или исправить”» (с. 20). Это – опять же идеальный подход, так как на деле, в реальной жизни, было иначе, однако не соответствующая доктрине практика счита-

²¹ См.: Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) ; пер. с нем. – М., 2011. – С. 4 и далее.

²² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 245.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 504.

лась лишь нежелательным отклонением, временными и преодолимыми, рано или поздно, трудностями; иногда такая практика и прямо квалифицировалась как злоупотребления, которые осуждались самой же коммунистической партией, как, например, это было сделано на XX ее съезде в отношении «культы личности» Сталина, что породило в обществе, в среде «шестидесятников», несбывшиеся ожидания либерализации советского режима. Конечно, партийная самокритика всегда была весьма редкой и крайне мягкой, но, тем не менее, это была критика, которая позволяла людям, замечая расхождение слов с делами, верить в то, что социалистическая идея не умерла, но лишь была серьезно искажена сталинизмом.

Таким образом, вслед за авторским комментарием идеи «несвязанности диктатуры пролетариата никаким законом» сделаем вывод, который и имел в виду ученый, давая соответствующие пояснения, что советская власть не связана законом лишь в том смысле, что она может его при необходимости изменить с соблюдением всех необходимых для этого законных правотворческих процедур. Кроме того, право обладает такими объективными свойствами, которые проявляются с максимальной полнотой лишь в условиях мирного строительства, «прочной и твердой власти», «нормальной» жизни общества (с. 21), т. е. когда гремит оружие, когда процветает насилие, то законы и право молчат, что было замечено еще древними римскими юристами. А насильственный приход к власти «передовых представителей» трудящегося класса и затем еще более агрессивный способ удержания ее в руках компартии – центральный пункт марксистско-ленинской доктрины и практики, который никогда не мог быть поставлен под сомнение ее сторонниками (сомневались ведь только «враги народа»), поэтому в периоды вооруженной борьбы за власть законы и право вынужденно умолкают. По этой причине С. С. Алексеев обращал внимание на то, что право может работать только в условиях гражданского мира, к которому и необходимо стремиться²⁴.

Еще один важный момент – о главной закономерности развития права в советском обществе, которая состоит, по мнению ученого, в том, что «в ходе социалистического и коммунистического строительства происходит *повышение его роли и укрепление законности во всех сферах общественной жизни*» (с. 26). Последнее с идеологической стороны объясняется «самой природой и принципами марксизма-ленинизма – подлинно гуманистического учения, последовательно проводящего (как считалось тогда, исходя из провозглашаемых этим учением идеалов, а не из реальной практики социализма. – А. С.) начала высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми труда. В соответствии с этим неуклонно возрастает и роль социалистической законности, юридических гарантий прав и свобод трудящихся, строгой дисциплины и ответственности каждого человека за свои поступки» (с. 27). Вот устремления юристов той эпохи: сократить вытекающий из революционной борьбы, гражданской войны внеправовой произвол, применение «жестких» мер и перейти к мирному правовому развитию. Поэтому С. С. Алексеев обращает особое внимание на то, что в «условиях коммунистического строитель-

²⁴ В этом философско-правовом размышлении мыслитель имел в виду не столько сам факт крайнего правового нигилизма в революционное и (или) военное время и последующее возрождение права в условиях мира, сколько идею постепенного подчинения людей Праву, что возможно лишь на более высоких стадиях развития культуры и общества. В последнем случае не будет необходимости говорить даже об идущем еще от Гуго Гроция делении права на право войны (которое и до сих пор далеко не всегда работает в условиях различных военных конфликтов) и мира потому, что во всемирном, подчинившемся Праву, обществе сама война будет исключена напроочь (о чем мечтал и Кант в свое время), ибо любые конфликты действительно уважающих Право людей могут быть разрешены правовыми средствами. В таких мирных условиях право сможет работать на полную мощь и показать все свои объективные возможности как в упорядочении общественных отношений в целом, так и для защиты отдельного человека.

ства происходит постепенное сужение сферы действия “жестких” мер. Под этим углом зрения следует рассматривать сокращение административного принуждения, исключение из области уголовного законодательства, например, ответственности за неосторожное легкое телесное повреждение, за понуждение к аборт, за неуплату налога и неисполнение различных повинностей в мирное время и др. По мере успехов коммунистического строительства, повышения уровня организованности общественных отношений, сознательности и культуры людей следует ожидать в дальнейшем сужения “жестких” мер воздействия (административных мер) и в некоторых других областях» (с. 29).

Таким образом, с одной стороны – сужение «жестких» мер, а с другой – тенденция расширения правового регулирования, которая выражается опять же не в «частичном усилении принудительных мер воздействия, вызванного подчас временными затруднениями, сложной обстановкой. Главное заключается в том, что расширяются такие области и стороны правового регулирования, функционирование которых характеризует возрастание нравственных начал в жизни общества, усиление организованности общественных отношений, порядка и ответственности во взаимоотношениях между людьми» (с. 29). Повышение роли права и укрепление законности в жизни социалистического общества «выражается и в качественной стороне правового регулирования, состоящей в *дальнейшем развитии подлинно социалистического, демократического и нравственного содержания права, его гуманистических принципов*» (с. 31). Другими словами, ценность права – в его гуманизации. Можно сказать, что уже в советское время С. С. Алексеев развивал гуманистическую концепцию права, о которой он стал писать гораздо в большей степени и объеме во второй период своего научного творчества.

Процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни социалистического общества выражался, по мнению автора, в четкой и строгой регламентации применения мер государственного принуждения, в ограничении использования административного принуждения, с одной стороны, и в повышении уровня юридических гарантий прав и свобод граждан – с другой. Указанный процесс находил также отражение и в субъективной стороне правового регулирования, в правосознании населения, правовой культуре: повышалось уважение к праву, развивалась правовая культура, крепло «чувство» законности, росли авторитет профессии юриста и значение юридического образования.

Процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни советского общества вытекали из самой идеи строительства социализма и коммунизма, поэтому «недоучет требований главной закономерности развития социалистического права как требований и всякой иной объективной закономерности “мстит за себя”, порождает трудности, недостатки в общественной жизни, приводит к неоправданным издержкам и потерям. Весьма симптоматично, что отступления от принципов марксизма-ленинизма, выразившиеся в культе личности, неизбежно были связаны с недооценкой права, с нарушением ленинских начал социалистической законности» (с. 36–37). В данном случае можно заметить, что процесс повышения роли права и укрепления законности в жизни общества вытекал как из целевых установок коммунистической, марксистско-ленинской идеологии, так и – в данном случае – из реальной практики постепенного смягчения советского режима, который от тоталитарного своего периода переходил постепенно к жесткому и затем менее жесткому авторитаризму. Ученый совершенно верно связывает неоправданные издержки и потери, которые были на этом пути, с недооценкой роли права, с нарушением главной объективной закономерности его развития, которая выражается в росте значения права в жизни социалистического, да и любого другого современного общества.

7. Непозитивистское определение права: справедливое – праведное – правовое. В первой главе монографии С. С. Алексеев дает базирующуюся на ценностном подходе дефиницию права, которое «является устойчивой, стабильной нормативной системой классового регулирования, выраженной в такой системе общеобязательных норм, в соответствии с которой субъекты правоотношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости» (с. 45). Последний момент – действие субъектов правоотношений в «согласии с началами господствующей справедливости» – выводит авторский подход за пределы позитивизма, поскольку предлагается ориентировать ведущий, на первый взгляд, признак предложенного правопонимания – «систему общеобязательных норм» – на «начала господствующей справедливости», т. е., с одной стороны, на общие принципы и идеи, которые, по определению, не могут быть изложены полностью, т. е. во всех своих конкретных частностях и деталях в системе общеобязательных правовых норм, а следовательно, должны быть найдены *вне позитивного*, исходящего от государства, права. Эти начала, идеи, принципы должны, по-видимому, получить свое разъяснение в процессе официального и неофициального (главным образом, доктринального) толкования и в любом случае в деятельности судебной власти (в основном Верховных судов), что повлекло бы за собой ее закономерное возвышение как относительно самостоятельной ветви государственной власти, хотя известно, что советская политико-правовая идеология не признавала идею разделения властей. С другой стороны, понятие «справедливость» – это квинтэссенция морали и нравственности любого общества. Следовательно, ученый предлагает связывать наличие права с условием отражения в нем господствующих начал справедливости, т. е. морально-нравственных начал общества (систему общеобязательных норм можно называть правом только тогда, когда она отвечает данному условию), ибо эти начала адресованы автором одновременно и системе общеобязательных норм (слова «в соответствии с которой» в определении права), и субъектам правоотношений, которые в соответствии с данной системой норм «должны действовать в согласии» с указанными началами справедливости.

Кроме того, центральный признак предложенного в данной книге определения права – «система общеобязательных норм» – дополнен такими важнейшими содержательными требованиями, как «известная самостоятельность», другими словами автономия, или свобода, субъектов правоотношений и – самое главное – требованием наличия у них «комплекса субъективных прав», а также упомянутой выше справедливости, что позволяет сделать вывод, что указанная «система общеобязательных норм» только тогда будет правовой, когда будет отвечать указанным характеристикам – самостоятельности, наличию субъективных прав у ее участников и соответствовать справедливости. Если же субъекты правоотношений формально действуют в полном соответствии с указанной системой общеобязательных норм, но при этом их действия диссонируют с «началами господствующей справедливости», у субъектов правоотношений нет «известной самостоятельности» и комплекса субъективных прав, то опять же нельзя говорить о том, что данная система норм – при отсутствии хотя бы одного из этих трех содержательных признаков – будет подпадать под определение права, которое дает ученый.

И еще один очень важный момент в дополнение к сказанному выше, но с несколько иной стороны: дефиниция права содержит ряд общих, родовых признаков – устойчивую, стабильную нормативную систему классового регулирования, систему общеобязательных норм. Кроме того, признак «известной самостоятельности субъектов», а тем более указание на начала справедливости без привязки первого и вторых к правовым характеристикам тоже носят общий характер в обоих

случаях. Видовые же спецификации того, почему эти последние могут быть отнесены к правовым, появляются лишь при условии, что в указанной системе норм наличествует комплекс субъективных прав. Право как система общеобязательных норм потому только и является правом (и становится таковым в ходе исторического развития), что в ней имеются субъективные права – эта одна из ключевых, центральных идей учения С. С. Алексеева о праве, которая проходит через все его творчество как раннего, так и позднего периода.

Комплекс субъективных прав как критерий объективного права – это ключевой признак, который наряду с ранее отмеченными выше критериями автономии, т. е. свободы субъекта, и справедливости позволяет вывести данное определение и соответственно правопонимание ученого за пределы позитивистского подхода, поскольку предъявляет ряд требований к самому содержанию системы общеобязательных норм, что не характерно для позитивизма, который на первое и основное место ставит изданные (или санкционированные) компетентным государственным органом в надлежащем порядке нормы, правила поведения, никак не связывая понятие права с внутренними, содержательными характеристиками указанных правовых норм.

Заметим также, что далее в работе анализируются такие объективные свойства права, как нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм. Однако последние три признака автор не счел нужным прямо включить в определение права. В полной мере присутствует в дефиниции лишь признак нормативности, что и вполне понятно, так как ученый считал его ведущим и определяющим свойством права. Можно говорить о том, что в снятом виде в дефиниции присутствует и такое свойство права, как формальная определенность, которая описывается здесь отчасти через сквозные категории устойчивости и стабильности – сквозные потому, что через них же автор описывает и нормативность тоже. Устойчивость и определенность права – это и его стабильность: «общей и главной особенностью права является его устойчивость и определенность, т. е. то, что называется стабильностью. В каждый данный момент право выступает в качестве точно определенной, стабильной нормативной системы общественного регулирования» (с. 128). Признак общеобязательности в снятом виде также выражает ряд свойств права, поскольку в нем отражается государственная воля, которая «представляет собой *общую основу* всех свойств права» и объективирована именно в системе общеобязательных норм, которую можно поэтому связать опять же с нормативностью и формальной определенностью, а также с динамизмом и даже с принудительностью (см. с. 66–67, а также ниже в данной статье), хотя по поводу последней автор говорит, что она характеризует не внутреннюю сущность права, а его связь с государством (см. с. 111). Такой подход к определению понятия права, когда в нем прямо подчеркивается лишь одно, наиболее важное из всех объективных свойств права – нормативность, а остальные свойства указываются лишь «попутно», в снятом виде, позволяет сделать вывод, что автор, с одной стороны, разделяет внешнюю – исключительно важную, но все-таки внешнюю – материю, форму права с присущими ей объективными свойствами и внутреннюю его сущность, которая характеризуется им через известную самостоятельность субъектов правоотношений, комплекс субъективных прав и господствующие начала справедливости. Нормативность же обладает некоторым сквозным качеством – характеризует и правовую форму, правовую материю, и ее сущностные стороны, которые находят, должны найти в нормативности свое отражение и выражение.

С другой стороны, автор, безусловно, четко различает и ракурсы исследования: в рамках догмы права, аналитической и инструментальной теории права он

ориентируется на позитивистское определение права²⁵, а в рамках аксиологического, философско-правового подхода – на непозитивистское, поскольку для философии права, как написал ученый позже в работе «Восхождение к праву», решающее значение имеет ее мировоззренческий стержень, постижение смысла права, его предназначения, выраженных в нем ценностей: «Да и по итоговым своим выводам философия права, нацеленная на постижение смысла и предназначения права, призвана освещать коренные проблемы жизни общества – место права в развитии и судьбе общества, пути его развития, его влияние на будущее, перспективы человечества, место и роль права в этих процессах»²⁶. Позитивистское определение права при такой трактовке мыслителем философии права вряд ли способно было уместиться в ее рамках, ответить на ее вызовы и хоть как-то соответствовать ее целям, задачам и методологии. Этим разграничением на специально-юридический и аксиологический, философско-правовой ракурсы исследования объясняется, по-видимому, и то, что такое свойство права, как динамизм, автор уже не выделяет в качестве основного в вышедшем в следующем году первом томе «Проблем теории права», подготовленном уже в русле специально-юридического подхода: если нормативность, системность (в работе 1971 года это свойство права отдельно не рассматривалось, хотя в дефиниции права категория «система» использовалась дважды), формальная определенность и принудительность выделены как главные свойства права (без упоминания динамизма), то в выводе по фрагменту 4 первой главы курса, где автор еще раз называет указанные свойства права, о динамизме права упоминается очень кратко, в скобках и без добавления категории «свойство»²⁷.

Сразу же после сформулированной дефиниции права автор переходит к рассмотрению и разбору работы К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса»²⁸, делая акцент на наличии у права специфического (имманентно «правового») содержания, которое, если вспомнить указанную работу классика, заключается в защите правом по самой своей природе публичного интереса (т. е. общих для всех прав и интересов) и прав личности. Анализируя текст К. Маркса, С. С. Алексеев, не упоминая этого прямо, продолжает обосновывать предложенное им ранее определение права и раскрывает одновременно специфическое (имманентное, внутреннее «правовое») его содержание; при этом он обращает особое внимание на субъективные права и начала справедливости, от которых, собственно, и произошло само наименование «право».

Приведя часто цитируемую в советской юридической литературе фразу К. Маркса («Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»²⁹), ученый пишет, что «особенности специфического содержания права отражаются в принятой терминологии. С этимологической стороны наименование права “правом” оправдано именно потому, что правовая форма общественного регулирова-

²⁵ См., напр.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Т. 1. Основные вопросы общей теории социалистического права. – Свердловск, 1972. – С. 23 ; Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. – М., 2010. – С. 25 ; Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 104.

²⁶ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М., 2001. – С. 103, см. также с. 387–388.

²⁷ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. – Т. 1. – С. 20–21 ; Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. – М., 2010. – С. 22–23. В курсе Общей теории права, первый том которого вышел в 1981 году, о динамизме как свойстве права не упоминается, хотя и говорится о динамизме в других смыслах и контекстах. Например, говоря о правовой форме в связи с воздействием ее на экономику, автор указывает, что именно при ее помощи создается «динамичный механизм планомерного целенаправленного общественно-регулирующего». Алексеев С. С. Общая теория права. – Т. 1. – С. 188.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. – С. 119–160.

²⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. – С. 159.

ния предполагает наличие определенной, гарантированной системы субъективных прав, правомочий. Оно оправдано также потому, что юридические нормы воплощают в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости. Отсюда – и близость по смысловому значению слов “правовое”, “правое”, “справедливое”, “праведное”. Происхождение русского слова “право”, несомненно, связано с тем общим смыслом, который объединяет приведенные слова» (с. 47). Можно сделать вывод, что под «специфическим содержанием права» ученый понимает наличие «гарантированной системы субъективных прав, правомочий», а также воплощение юридическими нормами «господствующих моральных принципов, начал справедливости», что и нашло отражение в предложенном им в этой работе непозитивистском определении права.

Таким образом, вне соответствия указанным – специфически правовым – требованиям сама по себе «система общеобязательных норм» может выродиться в пустую формальность, т. е. перестанет быть правом. И поэтому «право как *самостоятельная ценность* проявляется в связи со своим специфическим содержанием» (с. 46), а это последнее «согласуется с его объективными свойствами. По сути дела эти свойства (в частности, присущая праву нормативность) выражают специфическое содержание права, обеспечивают его действие как классового регулятора, который на началах господствующей морали, справедливости, предполагает наличие известной системы субъективных прав» (с. 47).

8. Ценность права – в обеспечении высокой организованности общественной жизни, в закреплении прав и свобод личности. С. С. Алексеев и в советское время отмечал важную роль прав и свобод личности, которые в начале 90-х годов были закреплены – и с его непосредственным участием в этом процессе – в действующей Конституции России. В 70-х гг. прошлого века автор писал: «Рассмотрение социалистического права как социальной ценности, воплощающей начала гуманизма, справедливости, великие права и свободы личности, является одним из важных моментов, которые демонстрируют превосходство социалистического строя, увеличивают его притягательную силу для трудящихся, для всего прогрессивного человечества» (с. 39). Автор пишет о «рассмотрении» права как ценности, т. е. в данном случае это – не констатация того, что уже достигнуто советским обществом, а лишь вытекающий из официальных лозунгов идеальный характер права, придающий ему вес в глазах «всего прогрессивного человечества», что вполне соответствовало действительности в то время, поскольку коммунистическая идея, на самом деле, имела громадный авторитет во всем мире до момента ее окончательного провала, когда всем стал понятен ее исключительно утопический характер.

Ценность советского социалистического права – в его антиэксплуататорском характере, несовместимом с каким бы то ни было угнетением, в том, что оно представляет собой необходимый социально полезный инструмент общественного развития, который в силу своих свойств способен принести значительную пользу как отдельным людям, так и обществу в целом. Высшая же социальная ценность права в том, что оно служит задачам построения коммунизма (см. с. 41–44), т. е. должно обеспечивать достижение намеченных в Октябре 1917 года целей, которые, как уже отмечалось ранее, на словах были возвышенными и гуманными, но, как оказалось по прошествии трех четвертей прошлого века, – недостижимыми, ибо – утопическими; использованные же Коммунистической партией (РКП(б), ВКП (б), КПСС) антиправовые, антигуманные средства и вовсе направляли движение советского общества в противоположную от провозглашенных идей сторону – в сторону его деградации и разрушения. Как только партийное руководство попыталось перейти от слов к делу, т. е. обеспечить свободные выборы, демократию и права личности, коммунистическая система развалилась.

Это позволяет сделать вывод, что социалистическое право, закрепляющее высокие, пусть и в основном утопические положения, при условии его не фиктивного, а реального применения и действия, позволяющего реализовать хотя бы часть из провозглашенных идей (как минимум, положений о принадлежности власти народу – ст. 2, 9, ряд статей гл. 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» и др. Конституции СССР 1977 г.), к чему и призвала страну в 1985 году ее партийная верхушка под руководством М. С. Горбачева, способно привести к тому, что общество само сможет сделать тот выбор, который ему покажется предпочтительным, – т. е. перейти от авторитарной, зашедшей в тупик системы к системе демократической, ориентированной на общечеловеческие, в том числе политические и правовые, ценности. То, что этот путь оказался тернист, сложен и долг, не должно отменять избранного направления движения, но, напротив, должно повысить авторитет правовых средств и подчеркнуть верность и актуальность оценок ученого, которые он давал праву, называя его «необходимым, социально полезным инструментом общественного развития» (с. 11 и др.).

В последнем фрагменте первой главы с подзаголовком *«Право и организация отношений в советском обществе. Право и личность»* автор продолжает анализировать один из важнейших аспектов социальной ценности права, состоящий в том, что «оно выражает, закрепляет и обеспечивает организованность отношений в социалистическом обществе» (с. 49), позволяет удовлетворить потребности общества в упорядоченности и урегулированности отношений и тем самым выступает в качестве «главного объективного показателя, характеризующего социальную ценность права в социалистическом обществе» (с. 51)³⁰. При этом данный аспект ценности права рассматривается наряду с правами личности, подчеркивается та «сторона ценностной характеристики права в социалистическом обществе, которая выражает его значение для закрепления и обеспечения положения *личности*» (с. 60), анализируется определяющее значение права как при обеспечении «прав и свобод для» (для активных собственных и чужих действий), так и при обеспечении «свободы от» (от вмешательства других лиц в сферу жизнедеятельности данной личности), отмечается, что «в социалистическом обществе личность обладает **высшей социальной свободой, источником которой является свобода от эксплуатации и угнетения**. Значение права в этой сфере общественной жизни состоит в том, чтобы юридически закреплять, охранять и развивать те общественные условия, которые с материальной стороны определяют высшую социальную свободу и справедливость тружеников социалистического общества, их великие права» (с. 61, выделено нами. – А. С.).

Что касается высшей социальной свободы человека как свободы его от эксплуатации со стороны капитала, то, как уже отмечалось нами выше, это было совершенно неоспоримое преимущество социалистической (и коммунистической) идеи, опровергнуть которую (как идею и как цель) было невозможно раньше, невозможно это сделать и сейчас. Более того, борьба за резкое уменьшение уровня эксплуатации в современных рыночных странах, и прежде всего в России, должна продолжаться и сегодня, но демократическими и правовыми, а не насильственными средствами.

³⁰ В указанном фрагменте ученый ссылается на своего предшественника по данному вопросу – П. М. Рабиновича (см.: Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность // Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Межвузовская научная конференция. – Харьков, 1968. – С. 21). По поводу приоритета в рассмотрении этого вопроса в советской литературе отметим, что в том же 1968 году вышла статья С. С. Алексеева «Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений» (Советское государство и право. – 1968. – № 3. – С. 13–21), в которой автор сформулировал многие идеи по данной теме, более подробно и обстоятельно разработанные в монографии 1971 года.

Данный фрагмент первой главы «*Право и организация отношений в советском обществе. Право и личность*» (как и глава в целом) завершается выводом: «...социальная ценность права как надежного инструмента, обеспечивающего высокую организованность отношений социалистического общества, основывается также на том значении, которое имеют правовые формы в закреплении и обеспечении прав и свобод личности (см. гл. III)» (с. 61). К последнему вопросу, как это видно из соответствующего уведомления в скобках (см. гл. III), автор возвращает-ся позже, но уже под несколько иным углом зрения.

В любом случае можно подчеркнуть, что и в советское время, а не только в поздний период творчества мыслителя-правоведа вопросы правовых форм закрепления и обеспечения прав и свобод личности были предметом особой заботы автора – одним из центральных пунктов неопозитивистского определения права и выделения его специфического (имманентно «правового») содержания.

9. Ценность права – в его объективных свойствах: право имеет свою историю. Во второй главе книги – «Свойства права и их социальная ценность в регулировании общественных отношений» – автор обосновывает тезис, в соответствие с которым возможности права как существенной социальной ценности заложены именно в его свойствах, имеющих объективный характер, – таких, как нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм (с. 62, 68). Тезис о свойствах права как свойствах объективных мог бы показаться несколько необычным для советского читателя того периода, и поэтому автор предпринимает теоретические меры для того, чтобы согласовать свой тезис с устоявшейся марксистской доктриной о соотношения объективного и субъективного – «базиса и надстройки», в соответствии с которой право относится к надстроечным, т. е. субъективным, вторичным факторам. В связи с этой доктриной у советского читателя мог возникнуть закономерный вопрос: каким же образом субъективный, вторичный по своей природе фактор общественной жизни может обладать объективными свойствами? И поэтому автор поясняет, что «право можно рассматривать и в другой плоскости соотношения объективного и субъективного – отношения права к *индивидуальному сознанию* (а также к науке, морали и другим формам общественного сознания). В этой плоскости само право выступает как специфическая социальная (объективная) реальность» (с. 63). Данная мысль очень важна, так как право, будучи объективной социальной реальностью, является независимой от субъективного фактора, и этот последний – субъективный фактор, субъект, в том числе и главным образом государственная власть, – по указанной причине не может игнорировать в своей деятельности объективные свойства права, что ученый и подчеркивал неоднократно.

Следует заметить, что глубокий анализ права выводил С. С. Алексеева в ряде случаев на такие тезисы и идеи, которые в чем-то расходились с современной ему марксистской доктриной, и поэтому необходимо было их в той или иной мере согласовывать: это касается, например, положений о собственно-правовом развитии (с. 68); об объективности свойств права и об относительной самостоятельности правовых форм (с. 155, 161), о специфическом «правовом развитии», которое не всегда можно «непосредственно вывести из особенностей экономического базиса» (с. 158), которые в определенной мере противоречили постулату о надстроечном, вторичном характере права, а также положению классиков марксизма о том, что право «не имеет своей собственной истории»³¹. Разумеется, С. С. Алексеев был настоящим, искренним марксистом и потому не сомневался в основных постулатах этой теории, однако когда собственно правовой анализ приводил его к иным взглядам, расходящимся с данной доктриной, он их не скрывал, но пытался,

³¹ См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 3. – С. 64.

если это было возможно, совместить их с господствующим в тот период в социальной науке учением. Когда же сделать это было невозможно, то он оставлял тезисы без каких-либо комментариев: сопоставим приведенный выше постулат К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанный ими в «Немецкой идеологии», о том, что право «не имеет своей собственной истории» с утверждениями ученого о «собственно-правовом развитии». Здесь хорошо заметно не только сущностное, но даже и терминологическое расхождение, ибо какое же может быть собственно-правовое развитие и, следовательно, своя собственная история у объекта, не имеющего таковой согласно утверждениям классиков?! Что касается права как специфической объективной (социальной) реальности («наличной действительности»), то его характеристика в качестве таковой «представляется методологически важной, теоретически необходимой. **И не только потому**, что отрицание объективного характера права неизбежно ведет к его субъективистской трактовке, при которой право сводится к психическим переживаниям и сознанию людей» (с. 65, выделено нами. – А. С.).

Право и государство, согласно советской юридической доктрине, которую разделял и автор, – это наиболее близкие друг к другу части надстройки. Что касается права, то оно – явление в широком смысле государственное, так как исходит от государства, воплощает его волю, в которой заключена воля господствующего класса или всего народа; государственные органы издают или санкционируют юридические нормы. Государственный аппарат гарантирует эти юридические нормы, обеспечивает в случае необходимости их реальное, фактическое проведение в жизнь. «Государственная воля, объективированная в системе общеобязательных норм, представляет собой *общую основу* всех свойств права. Непосредственно эта общая основа выражается в принудительности права. Но она проявляется и во всех иных свойствах – нормативности, формальной определенности, динамизме, придает им такие черты, которые и делают их правовыми. Иными словами, государственная воля может быть охарактеризована в качестве общего и главного структурного элемента права, соединяющего все другие его элементы – свойства» (с. 66–67).

Нормативность права является ведущим и определяющим свойством права; причем важно оно как для проникновения в сущность права, так и для понимания его социальной ценности, что является достаточным основанием для признания «вполне оправданным принятое в нашей науке нормативное понятие права» (с. 87). И сразу же, но с красной строки автор добавляет, ставя в конце предложения восклицательный знак (первый и последний раз в данной работе): «Нормативное, но не узконормативное!» (с. 87). Далее автор разбирает позицию ученых, критикующих нормативную трактовку права и называющих «узким» или «узконормативным» определение, в котором подчеркивается указанное важнейшее его свойство, в чем-то соглашаясь с критиками, а в чем-то, что представляется ему наиболее важным, – нет: так, С. С. Алексеев отмечает, что поиски, нацеленные на преодоление предполагаемой критиками «узости пошли в направлении, которое лишь усложнило решение проблемы. Объединение в одном понятии таких разноплановых, по своим свойствам несоединимых явлений, как система норм и правоотношения, науке и практике ничего дать не может (тем более что для рассмотрения права в действии есть другие научные категории – «социалистическая законность», «механизм правового регулирования»)»³². В то же время рассмотрение юридических норм и правоотношений в «одном ряду» неизбежно ведет к умалению нормативности права, ее значения среди других свойств» (с. 88). Указанное

³² Этот вопрос для ученого представляется достаточно важным. Ранее он уже высказывался по данному поводу (см., напр.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 113–115).

умаление недопустимо, так как нормативность – это ведущее объективное свойство права, которое «выражает (отчасти в скрытом виде) специфические черты его содержания и основные требования социалистической законности» (с. 89). Нормативность права характеризует единую упорядоченность общественных отношений, строгую гарантированность всей социальной системы, ее устойчивость и стабильность, обеспечение нормального, правильного функционирования и развития всего общественного организма.

Следующим существенным свойством права является «*определенность его содержания*, которая в единстве со своей внешней формой выступает как *формальная определенность*» (с. 89). Само правовое регулирование потому и стало объективно необходимым, что возникла потребность не только сообщить известным правилам всеобщий характер, но и внести в регулирование максимальную определенность по содержанию. «Содержание права является определенным, если должное или возможное поведение субъектов выражено в нем с нужной полнотой и точностью. Полнота содержания означает закрепление в праве всего объема регламентированного поведения, его признаков, тех субъектов, на которых оно распространяется, условий и обстоятельств, при которых оно осуществляется, порядка совершения действий и т. д. Точность содержания – это конкретность и необходимая детализированность регламентации общественных отношений, его четкость и ясность» (с. 89). При помощи *формальной* точности и четкости достигается высокая *определенность содержания* общественного регулирования.

Формальная определенность права, охватывая прежде всего юридические нормы, проникает и в область правоприменительной деятельности, где она проявляется в строгой регламентации порядка применения норм, определения правоприменительной компетенции субъектов, определения самих субъектов и т. д. Охватывает она также и область юридических фактов.

«Социальная ценность формальной определенности права состоит в том, что его надлежащее использование дает возможность в процессе правотворчества с максимальной точностью, ясностью и категоричностью закрепить содержание юридических норм, а в процессе реализации права – выявить это содержание» (с. 94).

Если нормативность права позволяет создать экономичную, единую в стране, непрерывно действующую систему типовых масштабов поведения, то посредством формальной определенности оказывается возможным сделать определенной эту систему и по содержанию. Формальная определенность права выступает в качестве носителя содержания и отсюда необходимого дополнения к его нормативности, обеспечивающего содержательность нормативно-правового регулирования в соответствии с объективными потребностями классового общества, точные границы прав и обязанностей субъектов, рамки, в которых может и должна осуществляться их деятельность. Нормативность и формальная определенность как присущие праву свойства тесно связаны, дополняют друг друга, направлены на устойчивость и определенность организации общественных отношений (см. с. 94–95). «Для советского права, – пишет автор, – характерна тенденция к достижению высокого уровня формальной определенности. Проявление этой тенденции связано с развитием правовой культуры, разработкой вопросов юридической техники, а также осуществлением ряда организационных мероприятий, обеспечивающих реальное претворение в нормативных актах рекомендаций юридической науки... Вместе с тем советскому праву органически чужды формализм, слепое преклонение перед буквой закона... Социалистическая законность предполагает уважение к “формальному” не ради самой формы, а ради заключенного в ней содержания. Это значит, что в любом случае применение норм социалистического права должно быть не только формально правильным, но и законным, обоснованным, справедливым» (с. 98–99).

Далее рассматриваются объективные пределы, которые ограничивают действие формальной определенности: пределы формально-определенного связаны, прежде всего, с необходимостью предусмотреть в праве возможности для индивидуального регулирования, для известного «усмотрения» правоприменительных органов. В то же время основания, направления и пределы самого усмотрения должны быть точно и полно определены в нормативных актах настолько, насколько это возможно, и прежде всего здесь требуется точное и исчерпывающее определение компетенции органов, которые осуществляют индивидуальное регулирование. Правовое регулирование и в данном случае опирается на общие («охватывающие») нормы, включая нормы, содержащиеся в общих частях кодексов или иных систематизированных нормативных правовых актов, т. е. принципы права, дефинитивные нормы и т. д. Законодатель предусматривает некоторые общие критерии, исходные оценочные категории, которые должны определить основные направления регулирования. По мере развития социалистического права происходит известное сужение пределов усмотрения правоприменительных органов, замена оценочных категорий исчерпывающим регулированием в нормативных актах, однако «полное устранение оценочных категорий невозможно» (с. 101).

Необходимость строгой формальной определенности нередко сдерживает тенденцию к повышению уровня нормативных обобщений, а в некоторых случаях (например, при использовании замкнутых исчерпывающих перечней) избежать ее невозможно. Достижению необходимой определенности содержания правового регулирования содействуют *правовые конструкции*: «они выражают внутреннее построение нормативного материала, “образцы”, “ типовые схемы”, в которые облекаются юридические нормы (таковы разнообразные конструкции составов преступлений, виды и типы договорных обязательств, конструкции “присутствующих и отсутствующих” субъектов и т. п.).

Следовательно, правовые конструкции представляют собой своеобразные типовые обобщающие “структуры”. Их использование не только позволяет облегчить формулирование юридических норм, придает всему нормативному материалу логическую стройность и завершенность, но и – что самое главное – способствует определенности и четкости правового регулирования.

Таким образом, – делает вывод автор, – повышение уровня нормативных обобщений сопряжено с развитием специфических, свойственных именно праву обобщений и “структур”, которые вполне согласуются с необходимостью его надлежащей формальной определенности» (с. 105).

Говоря о принуждении в праве, автор критикует коренной недостаток господствующей в конце 30-х годов трактовки права, когда оно понималось как непосредственно принудительная сила, как система правил, осуществляемых в принудительном порядке, и отмечает, что «присущее ему свойство принудительности выражает лишь *возможность* применения государственно-принудительных мер в тех случаях, когда лица не исполняют возложенных на них юридических обязанностей, когда возникают препятствия в осуществлении субъективных юридических прав. Иначе говоря, в праве принуждение как бы находится на втором плане, существует до известного времени в “скрытом виде”» (с. 108). Что касается самого по себе государственного принуждения, то оно «не является правовым свойством и, следовательно, элементом, который характеризует социальную ценность социалистического права» (с. 110), оно «характеризует значение политического, государственного регулирования в целом, связь права с государством, а не права как такового» (с. 111).

Государственное принуждение должно быть правовым, поскольку право, по автору, является «оградительным механизмом» (с. 119), способным обеспечить применение государственно-принудительных мер в тех пределах, которые вызва-

ны объективными потребностями социалистического общества. Правовое принуждение основано на уважении прав граждан, а также на соблюдении строгих процессуальных механизмов, процессуальной, и в особенности судебной, формы, ибо судебный процесс является высшей, главной формой, обеспечивающей проведение правового принуждения. Правовое принуждение – «одна из важных гарантий, предупреждающих возможность произвола в деятельности органов, которые осуществляют властно-принудительные функции» (с. 119), оно «убеждает не только устрашением, но и целесообразностью и гуманностью, справедливостью и уважением к правам личности» (с. 121).

Социальная ценность принуждения в праве имеет опосредованный характер, полагает автор и пишет: «Вот почему нельзя признать правильным положение, по которому “вся ценность права состоит в возможности его принудительного осуществления”» (с. 111). В социалистическом обществе «использование государственно-властного принуждения для стимулирования поведения людей носит ограниченный характер. Правда, в прошлом нарушение ленинских принципов государственного и правового строительства было сопряжено с известной переоценкой роли принуждения в деятельности социалистического государства, верой в то, что при помощи принуждения, власти можно сделать все» (с. 115–116).

Наконец, динамизм является еще одним важным свойством права – «свойством в смысле его способности оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни» (с. 126). Данное свойство права не является изолированным и абсолютным, оно должно рассматриваться в органическом единстве с другими его свойствами, и поэтому в ряде случаев общество может получить некий социальный выигрыш от эффективного использования устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, даже пойдя на известные потери, связанные с возможностью некоторого отставания правовой формы от быстро развивающихся общественных отношений. Другими словами, «право не должно немедленно регистрировать и отражать любое изменение в общественных отношениях» (с. 128), поскольку «общей и главной особенностью права является его устойчивость и определенность, т. е. то, что называется стабильностью. В каждый данный момент право выступает в качестве точно определенной, стабильной нормативной системы общественного регулирования» (с. 128). То, что право не должно немедленно реагировать (регистрировать) и отражать любые изменения в жизни общества, было бы очень полезно взять на заметку нашему современному российскому законодателю, который при любом же информационном – даже самом мельчайшем – поводе пытается ввести соответствующие изменения в действующее законодательство, в итоге внося в него хаос, неразбериху и неустрашимые противоречия.

Социальная ценность права в том, что «оно способно оперативно учитывать потребности общественного развития, *сохраняя все время значение устойчивой, стабильной нормативно-правовой системы общественного регулирования*. В этом органическом сочетании высшей нормативности и формальной определенности, с одной стороны, динамичности, способности реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни – с другой, и заключается одно из важных достоинств права. При таком органическом сочетании “двух противоположностей” в известной степени снимаются, погашаются отрицательные последствия, которые указанные свойства (если брать их изолированно) могут вызвать к практической жизни» (с. 129).

Далее автор анализирует способы, обеспечивающие динамизм права: четкую правотворческую процедуру; систему нормативных правовых актов, в частности возможность оперативного издания подзаконных нормативных актов по вопросам, не нуждающимся в законодательных решениях; высокую нормативность права, охватывающую в общей формуле максимально широкий круг отношений

данного вида и позволяющую предусмотреть в известных пределах возможность развития этих отношений; индивидуальное властное регулирование (усмотрение); использование оценочных понятий; применение права по аналогии и др. Особое внимание ученых уделяет тесно связанному с динамизмом права вопросу о роли судебной (юридической) практики в ходе правового регулирования. Рассматривается процесс конкретизации правовых норм, дается анализ правоположений судебной практики, анализируется их правовая природа.

Автор указывает, что «в результате повышения уровня нормативных обобщений в процессе применения общих норм возникает необходимость конкретизировать их содержание с учетом своеобразия данных фактических обстоятельств. В ходе практики постепенно вырабатываются определенные модели, образцы, типовые решения известной категории дел» (с. 137–138).

Правоположения – это лишь те «прообразы» конкретизирующих норм, которые в качестве результатов казуального толкования в скрытом виде или в виде прямых разъяснений содержатся в решениях по конкретным делам, представляющих собой не только результат формально-логической операции, но и творческий акт юрисдикции. В таком решении «нередко как бы “спрятан” образец (модель) приложения общих норм к данным фактическим отношениям... Существование этих правоположений реально выражается в факте их воздействия на решение юридических дел, а с внешней стороны – в возможности самостоятельного их словесного формулирования, что и наблюдается в актах по конкретным делам второй и надзорной инстанций, а также в заголовках решений по таким делам в сборниках судебной практики. Стало быть, существование правоположений, характеризующих творческую сторону применения права, и определяет социальную, научную и непосредственно юридическую ценность судебной и иной юридической практики» (с. 139).

Автор отмечает, что вопрос о природе правоположений нуждается в дальнейшем изучении, и высказывает предположение, что они «являются “сгустками” правосознания *на грани* перерастания их в юридические нормы, а потому можно квалифицировать их в качестве “прообразов” юридических норм» (с. 139). Получается, что последние хотя и очень похожи на правовые нормы (как их «прообразы»), но ими, в конечном счете, не являются. Такая характеристика данного правового явления вполне понятна и приемлема для континентальной правовой системы, где – особенно в советское время – не могло быть и речи о судебном прецеденте. В другой правовой системе правоположения судебной и иной правоприменительной практики вполне могли бы быть названы правовыми нормами в форме судебного или административного прецедента.

По отношению к правоположениям, содержащимся в нормативных постановлениях центральных юрисдикционных органов, в частности в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, автор высказывается иначе: «Здесь то, что при обобщенной характеристике называется “правоположениями”, на самом деле является *конкретизирующими юридическими предписаниями* (юридическими нормами), имеющими подзаконный характер. Тут указанная выше грань уже пройдена. Конечно, нельзя ставить конкретизирующие нормы, содержащиеся в нормативных актах Пленума Верховного Суда, на одну плоскость с нормами закона. Они лишь обобщают судебную практику, являются следующим шагом в сложном процессе становления общих норм, выполняя в каждый данный момент функцию по объединению и направлению конкретизирующей деятельности судов. Эти нормы на основании закона складываются в практике и для практики. Но, как бы то ни было, они представляют собой именно нормы, юридические предписания» (с. 139–140).

Данное разъяснение автора весьма актуально и сегодня (как и подавляющее большинство других положений рассматриваемой книги), так как, с одной стороны, надо определить правовую природу правоположений (т. е. отсутствующих в нормативных правовых актах, других источниках права новых правовых предписаний конкретизирующего характера), которые формулируются сегодня (как и в прошлом) именно в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и (ранее) в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда (ВАС) РФ, а с другой – отграничить их от правоположений, которые формулируются иногда в решениях указанных (ВАС РФ до его упразднения) высших судебных инстанций по конкретным делам. Первые являются, как и писал об этом С. С. Алексеев, конкретизирующими юридическими предписаниями (юридическими нормами), либо имеющими подзаконный характер (в советское время), либо обладающими сегодня в ряде случаев юридической силой федерального закона, т. е. в любом случае являющимися нормативными правовыми актами, исходящими от высшей судебной инстанции в форме постановления ее пленума. Вторые же – правоположения, сформулированные в решениях по конкретным делам в результате казуального толкования, – являются конкретизирующими юридическими предписаниями (юридическими нормами) в форме – можем сказать это сегодня – судебного прецедента, о чем С. С. Алексеев не мог писать в то время потому, что в советской правовой системе данное явление отсутствовало, поскольку в ней не признавался такой источник права, как судебный прецедент³³, ибо роль судебных органов была принижена, в том числе это касалось Верховных судов Союза ССР и союзных республик, которые помимо главной для этих органов правоприменительной функции вполне могли бы в процессе нормативного или казуального толкования права выполнять также и правотворческие функции. Однако это противоречило советской государственно-правовой идеологии, исходящей из отрицания идеи разделения властей и отводящей функцию законодательства исключительно Верховному Совету Союза ССР или союзной республике (исходя из известного советского лозунга «Вся власть – Советам!», хотя реально, как известно, власть принадлежала верхушке компартии). Поэтому ученый и писал, что правоположения, складывающиеся в ходе применения права, являются лишь «прообразами» права, «сгустками» правосознания *на грани* перерастания их в юридические нормы; лишь в постановлениях Пленума Верховного Суда могут появляться конкретизирующие юридические предписания (юридические нормы), хотя ни первые, ни вторые не могут выходить за пределы общих норм. Если же они начинают затрагивать содержание последних, или возникает необходимость принять новое решение в действующем правовом регулировании, или конкретизирующая норма вырастает в самостоятельное общее правило, то «каждый из указанных случаев является объективным показателем того, что **динамизм права может быть обеспечен лишь преобразованиями в общих юридических нормах, осуществляемыми компетентными правотворческими органами**» (с. 141, выделено нами. – А. С.).

Совсем иная ситуация складывается в современной российской правовой системе, где появился новый источник права – судебный прецедент, – который мы находим в решениях Конституционного Суда России (КС РФ) и в постановлениях

³³ Говоря об источниках права, ученый писал ранее: «Кроме нормативных юридических актов источниками права (в указанном выше специально юридическом значении) являются также санкционированные обычаи и судебные прецеденты, а также некоторые другие формы выражения и закрепления юридических норм.

Однако в социалистическом обществе судебный прецедент не является источником права, а санкционированный обычай играет крайне незначительную роль» (Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1966. – С. 120–121) (цитируемый здесь текст у автора также дан в сноске).

Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Нет никаких препятствий для того, чтобы и Верховный Суд РФ в соответствующих ситуациях (пробел или противоречие, отсутствие требуемой ясности в законодательстве и т. д.), принимая решение по конкретному делу, формулировал бы при необходимости новые правовые предписания (юридические нормы), которые теперь нет нужды называть правоположениями; указанные нормы будут выступать теперь в форме судебных прецедентов, являясь по содержанию, как и раньше, когда создавались новые правовые предписания, конкретизирующими нормами права различного уровня обобщения. Официальное признание в соответствующем федеральном законе судебного прецедента в качестве нового источника российского права, – тем более что фактически он уже появился, – будет соответствовать реальному возрождению судебной власти в России, ее достойному и самостоятельному месту в системе разделения властей.

Следует подчеркнуть, что новые правовые предписания – юридические нормы, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (как и ранее ВАС РФ), не могут называться судебными прецедентами, так как они не приняты пленумом при разрешении какого-то конкретного дела, а представляют собой результат официального нормативного толкования права (результат нормативного разъяснения по вопросам судебной практики) в форме судебного нормативного правового акта – фактически это самостоятельный источник права или, точнее, особая разновидность нормативных правовых актов. В случаях же, когда Верховный Суд РФ в постановлениях своего пленума не создает нового правового предписания, также нет необходимости говорить о правоположениях – речь идет об обычных разъяснениях по вопросам судебной практики. О правоположениях теперь можно говорить лишь в том случае, когда судебные инстанции, принимая решение по конкретному делу, т. е. в процессе типичного правоприменения (на основе уже действующей правовой нормы, т. е. не создавая нового правового предписания), формулируют в своей деятельности устойчивые модели, образцы, типовые решения известной категории дел.

Таким образом, когда в решениях вышестоящей судебной инстанции создается новая правовая норма, мы можем говорить либо о судебном прецеденте (норма сформулирована в каком-нибудь конкретном деле как результат казуального толкования права), либо о судебном нормативном правовом акте в форме постановления пленума как особой разновидности нормативного правового акта. Официальное признание такой возможности будет адекватным ответом на свойственный праву динамизм, о котором С. С. Алексеев писал еще в начале 70-х годов, поскольку динамизм вообще (т. е. рассматриваемый абстрактно) и динамизм права в частности являются, по его справедливому мнению, «общей чертой развитых систем общественного регулирования...» (с. 128).

10. Самостоятельная ценность субъективного права. Субъективное право вне правоотношения – «социальный ноль». Вторая глава завершается небольшим, но весьма важным, состоящим из двух пунктов, фрагментом, который имеет подзаголовок *«Свойства права и механизм правового регулирования. Субъективное право»*. О механизме правового регулирования С. С. Алексеев написал отдельную монографию³⁴, которая составила целую эпоху в развитии советской

³⁴ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – 187 с. В 2018 году книга переиздана Музеем С. С. Алексеева: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Екатеринбург : Изд. дом «Автограф», 2018. – 192 с. – (Серия «Предназначение и могущество права»). В данной работе также отмечалось, что субъективное право занимает в механизме правового регулирования особое, вполне самостоятельное место. Анализ этого последнего был выполнен в рамках специально-юридического подхода: автор рассмотрел специфические функции субъективного права в правоотношениях активного и пассивного типа, сделав общий вывод о том, что «значение субъективного права в ме-

юридической науки и по-прежнему остается в фундаменте современной российской юриспруденции³⁵. В данной же работе, исходя из ее предмета и цели, ученый уделил особое внимание одному из наиболее ценных, с его точки зрения, компонентов данного механизма – субъективному праву.

Общий тезис ученого состоит в том, что «свойства права в полной мере проявляются и осуществляются в системе *всего механизма* правового регулирования» (с. 142). Однако отдельные элементы указанного механизма «имеют свои, специфические свойства и, следовательно, обладают **самостоятельной ценностью** в организации социалистических общественных отношений» (с. 145, выделено нами. – А. С.). Речь идет, прежде всего, о субъективном праве, которое «немыслимо вне правовых связей (правоотношений). Однако *по своему содержанию* оно нередко выходит за пределы того, что находится *внутри* правоотношения» (с. 148). Как имеющие известное самостоятельное значение в механизме правового регулирования, автор рассмотрел также и юридические обязанности, которые «способны обеспечить выполнение лицом своего долга, утвердить общие моральные запреты, гарантировать строгую общественную дисциплину» (с. 150); указал на то, что ряд обязанностей, в частности общих конституционных, а также выражающих общие запреты, имеет известное самостоятельное значение, и в связи с этим согласился с мнением С. Ф. Кечекьяна о том, что многие обязанности существуют не только «ради субъективного права» (с. 150).

В данном, заключительном фрагменте второй главы автор уделил также внимание дискуссии по вопросу о возможности существования субъективного права вне правоотношений, и ответ его по этому поводу предельно категоричен: «Субъективное право вне правоотношения – “социальный ноль”. Его общественная и юридическая природа в этом случае не могут быть поняты. В реальной жизни нет субъективного права (как *юридического* явления), если оно не “право” по *отношению* к кому-либо и в то же время так или иначе не связано с юридическими обязанностями» (с. 145). Кажется, что добавить и тем более возразить здесь уже нечего: действительно, о каком субъективном праве можно говорить, если нет лица, обязанного удовлетворить законный интерес, законные притязания уполномоченного субъекта? Провозглашенное право без корреспондирующей ему обязанности превращается в фикцию. Вот почему С. С. Алексеев так убежденно отстаивает свою позицию в противовес ученым, которые полагают возможным существование субъективного права вне правоотношения и потому не обеспеченного, что вполне логично вытекает из их взглядов, обязанностью «ответственного» за реализацию этого права лица – лица, которое должно совершить активные либо пассивные (не препятствовать, не мешать) действия по отношению к уполномоченному для реализации им своего субъективного права.

На чем была основана позиция критиков С. С. Алексеева и его сторонников? На очень ограниченном, весьма узком (даже для цивилистики, а не только для всего права в целом) понимании категории правоотношения как только двусторонне индивидуализированной, конкретной общественной правовой связи между лицами. Оппоненты приводили пример проживающего в Москве покупателя авторучки, который после ее приобретения как будто бы, с точки зрения критикуемой ими концепции, вступал в бесчисленное множество правоотношений с каж-

ханизме правового регулирования состоит в том, что оно закрепляет свободу и самостоятельность лиц, в интересах которых устанавливается правоотношение» (с. 139 по изданию 1966 года).

³⁵ См.: Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1 / отв. ред. В. Д. Перевалов. – Екатеринбург, 2014. – С. 7; Семитко А. П. Механизм правового регулирования С. С. Алексеева и структура теории права: сравнительный анализ // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность перспективы. Алексеевские чтения. Вып. 1. – Екатеринбург, 2014. – С. 9–20.

дым гражданином СССР. Ученый отвечал по этому поводу, что «правоотношения собственности представляют собой особые, общие правоотношения, выраженные в определенном *состоянии* субъекта по отношению ко всем другим лицам», понимая, что «многие разногласия по вопросу о субъективном праве будут сняты, если признать, что правоотношения выступают не только в виде полностью индивидуализированных связей, но и в виде состояний, выражающих положение данного лица по отношению к другим лицам, обществу, государству» (с. 146, текст в сноске). В итоге данной дискуссии советская юридическая наука, как отмечал С. С. Алексеев, подчеркивая позитивные моменты во взглядах своих оппонентов, продвинулась вперед в ряде вопросов, в частности были глубоко проанализированы различные виды правоотношений: общие, конкретные, абсолютные, относительные, с различной степенью индивидуализации входящих в него лиц и т. д.³⁶

И все же основное внимание в данном фрагменте автор уделил анализу собственно субъективного права, его ценности: «Самостоятельная ценность субъективного права основана на его определяющем свойстве, выраженном в том, что оно представляет собой *юридические возможности*, точнее, меру возможного и дозволенного поведения *самого управомоченного*. Поэтому свойства субъективного права позволяют в процессе правового регулирования обеспечивать не просто порядок и организованность общественных отношений, а такой порядок и организованность, которые связаны с развитием *самостоятельности, инициативы и свободы* в их конкретно-классовом содержании, обусловленном системой социально-классовых отношений.

... Широкое использование достоинств правовой формы общественного регулирования в рассматриваемом отношении важно и с точки зрения перспективы строительства коммунизма, дальнейшего развития прав и свобод трудящихся, дальнейшего утверждения величайших моральных и человеческих ценностей, рожденных социализмом» (с. 149–150).

И вот общий вывод по второй главе: «Объективные свойства права предопределяют его реальную ценность. Они обуславливают возможности права в организации общественной жизни, его роль в обеспечении нормального функционирования и развития общественного организма в рамках данных социально-классовых отношений» (с. 150).

11. Использование государством свойств права, не согласуемых с имманентно присущим ему содержанием, есть «законодательный произвол». Третья глава работы – «Основные черты социальной ценности права в советском обществе» – открывается фрагментом «*Содержание права и его социальная ценность*» и начинается с обсуждения вопроса об объективном, специфическом (в частности, через призму присущих ему правовых принципов) содержании права, которое, несмотря на то что для своего существования и развития как специфического регулятора нуждается в факторах экономического, политического и этического характера, с одной стороны, однако, с другой стороны, будучи «возведенной в закон» (автор сравнивает это «возведение» с определенным возвышением права, поскольку оно получает важнейшую форму своего существования, которая сама по себе имеет большое значение), как бы диктует определенные действия государству, связывает, ограничивает его определенными, вытекающими из собственно-правового содержания рамками. При этом подчеркивается, что государство, тем не менее, может использовать «отдельные свойства права в целях, не согласуемых с особенностями его содержания» (с. 152). В таком случае право работает как бы не в «полную силу», обеспечивая минимальные потребности эко-

³⁶ См. также обсуждение данного вопроса под иным углом зрения в рамках анализа правоотношений вообще и общерегулятивных правоотношений в частности (см.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 139–152).

номического развития и поддержания общего порядка. «В остальном же, – пишет ученый, – использование государством свойств права, не согласуемых с особенностями имманентно присущего ему содержания, представляет собой, по словам К. Маркса, “законодательный произвол”³⁷. Именно тогда право лишается “всякой ценности”, превращается в “одну только пустую маску”³⁸» (с. 152).

Какие факторы определяют специфическое содержание права, какова его исходная основа в советском обществе? Последняя – исходная основа социалистического права – в его антиэксплуататорской природе, о чем уже говорилось выше в данной статье, а что касается факторов, определяющих специфическое содержание права, то они носят экономический, политический и этический характер. Говоря об экономических факторах, С. С. Алексеев опирается на «Капитал» К. Маркса, где классик рассматривал право как «общественное отношение, которое с неизбежностью обусловлено положением товаропроизводителей – их известной автономией, самостоятельностью, внешней независимостью. Характерной чертой положения товаропроизводителей является их внешняя независимость друг от друга и более того – выступление их в качестве “свободных личностей”³⁹» (с. 153). Главное здесь состоит в том, что товарное производство и обращение возможно лишь при условии наличия *свободных личностей*, обладающих автономными правами, известной самостоятельностью и независимостью. Исходя из этого «формируются свойства права – его высокая нормативность, формальная определенность, а также своеобразие самого содержания регулирования, связанного с той или иной степенью самостоятельности, независимости и свободы личностей» (с. 154).

С политической точки зрения право в первую очередь связано с необходимостью придать государственной воле общеобязательное значение. Однако сама по себе деятельность государства не может рассматриваться в качестве специфического фактора, который предопределяет необходимость права, его особое правовое содержание, поскольку «во многих случаях государство (хотя и с существенными потерями) может обходиться без права... Значение специфического фактора, предопределяющего существование и развитие права, его особое правовое содержание, принадлежит началам *демократии*, утверждению субъективных политических прав и свобод» (с. 155). С. С. Алексеев подчеркивает, что «развитие демократических институтов в политически организованном обществе невозможно без права. Именно в праве демократические институты находят адекватные способы выражения и закрепления. В то же время они служат толчком к дальнейшему развитию юридических форм, специфических правовых принципов, в частности таких, как принцип ответственности за вину, презумпция невиновности, недопустимость обратного действия более “жесткого” закона и др. В политически организованном обществе возведение воли господствующего класса в закон состоит, помимо прочего, в том, чтобы выразить эту волю через призму правовых принципов, складывающихся под влиянием развития классово-определенных демократических институтов» (с. 155, см. также с. 152, 220).

Последнее утверждение позволяет сделать вывод, что под «возведением в закон»⁴⁰ автор понимал не одно только простое, формальное действие правотворческого органа государства, которое выражается лишь в придании нормативным предписаниям внешней юридической оболочки в форме закона, а принятие им

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 163.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23. – С. 407.

⁴⁰ Следует заметить, что автор придавал большое значение понятию «возведение в закон», неоднократно возвращался к его анализу, раскрывая в разных местах своей работы различные грани и нюансы его содержания.

такого закона, который еще и по своему глубинному содержанию ориентировался бы на признание *свободных личностей*, обладающих автономными правами, известной самостоятельностью и независимостью, а также отвечал бы внутренним, сущностным, специфическим правовым требованиям, находящим свое выражение в важнейших принципах права. В противном случае – в случае исполнения законодателем лишь пустой формальности – происходит нарушение имманентно присущего праву содержания, имеет место «законодательный произвол», когда право лишается «всякой ценности» и превращается в «одну только пустую маску», о чем С. С. Алексеев предварительно упомянул в начале третьей главы.

12. Государство законности и правовое государство. В современной правовой доктрине идея государства законности раскрывается в категориях «правовой закон», «правление права», «правовое государство», в советское же время данную мысль автор выражал при помощи иного категориального аппарата, соответствующего социалистической идеологии: по сути своей, это был максимум того, что можно было сказать в то время по указанному поводу, используя признаваемый советским режимом правовой дискурс. Речь не идет, конечно, о каком-то эзоповом языке, в котором автор якобы хотел выразить идею правового закона, или о том, что автор якобы скрывал свою приверженность идее правового государства; речь идет совсем о другом – о том, что глубинное проникновение в суть правовой материи, ее адекватное понимание и интерпретация приводили ученого к тем же по существу (а не по внешнему терминологическому выражению) идеям, которые в западных странах описывались при помощи категорий «правовой закон», «правление права» и т. д. В то же самое время автор прямо критиковал концепцию «правового государства» и теории, обосновывающие «господство права», называя их лживыми (с. 180–181). Правовому государству он противопоставлял государство законности, подчеркивая, что «это – не просто смена терминов, а принципиально новый подход» (с. 194), поскольку «значение права как надежного средства целесообразной и эффективной организации государственной власти в социалистическом обществе дает основание для выдвижения и теоретического обоснования *концепции государства законности*, которую надлежит противопоставить буржуазной теории “правового государства”» (с. 192–193). При этом автор делает акцент на достаточно близких, сходных с теми параметрами, которые выделяются и в рамках концепции правового государства, – например, на параметрах связанности всех государственных органов действующими нормами права, что вполне возможно, так как право, хотя и связано с государством, но не зависит от него полностью (как писали нередко в советской литературе того времени), ибо «занимает в системе надстройки относительно самостоятельное место и выполняет в жизни общества относительно самостоятельные функции» (с. 188–189); на необходимости максимально широкого, полного и детализированного урегулирования в Конституции, законах и основанных на них подзаконных актах структуры государственных органов, их компетенции, взаимоотношений друг с другом и с гражданами, территориальной организации общества и т. д.; на требовании подзаконности (поднормативности) осуществляемого органами управления и судом индивидуального регулирования (усмотрения), при котором не должен допускаться произвол и управление «по одному усмотрению», но, напротив, должны быть предусмотрены надлежащие гарантии, предупреждающие возможность злоупотребления властью, использования ее «по личному произволу» (с. 180); наконец, на необходимости того, чтобы «граждане и иные субъекты обладали определенным комплексом юридических гарантий, обеспечивающих неприкосновенность личности, эффективную защиту против незаконных действий должностных лиц, возможных случаев произвола и беззакония», и т. д. (с. 196). Автор уточняет при этом, что необходимо соблюдать «требование **последовательного социали-**

стического правового регулирования отношений в области организации и деятельности государственных органов, обеспечивающего эффективное функционирование политической организации социалистического общества, ее подлинный демократизм и **антиэксплуататорский характер**, руководящую роль Коммунистической партии в политической организации» (с. 196, выделено нами. – А. С.). Под **социалистическим** правовым регулированием, как уже упоминалось в данной статье, понимаются высшие идеалы социальной справедливости и гуманизма, подлинной свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся (с. 195).

В данном контексте могут быть поняты и иные тезисы автора, например о том, что «высшие органы государственной власти вправе издавать *любые* юридические акты. Никакой ранее изданный закон не связывает органы государственной власти в том смысле, что любой закон, включая конституционный, в установленном порядке может быть отменен или исправлен» (с. 189). Данное высказывание, хотя и напоминает внешне фразу Г. Кельзена о том, что «всякое произвольное содержание может быть правом»⁴¹, но по существу своему полностью и категорически ей противоположно, так как, согласно учению С. С. Алексеева, словосочетание «любые юридические акты» не включает в себя акты, выражающие произвол государственных органов, против которого автор неоднократно выступал в данной работе (и в других, разумеется, тоже), или акты, противоречащие высшим социальным идеалам, что для автора, как и для советского читателя, было совершенно очевидно, а потому не требовало каких-либо уточнений и пояснений. И, тем не менее, в другой своей работе, написанной пятью годами ранее, говоря про «любые» действия, ученый все же сделал подобного рода разъяснение: «В принципе в социалистическом обществе люди и их коллективы совершают любые действия, поскольку они не запрещены нормами права (и не противоречат принципам коммунистической нравственности, неюридическим нормам общественных организаций, социалистическим обычаям)»⁴². Кроме того, данный тезис о возможности высших органов государственной власти в установленном порядке отменить или изменить любой закон соответствовал идее всевластия Советов народных депутатов, которая была присуща советской социалистической идеологии.

На первый взгляд может показаться, что в учении С. С. Алексеева по поводу внутреннего содержания права, государства законности и в одновременной критике им концепции буржуазного правового государства имеется какое-то глубокое, парадоксальное противоречие: как можно, с одной стороны, настаивать на том, что при возведении норм права в закон они должны соответствовать внутреннему, специфическому содержанию права, т. е. обосновывать требование соответствия закона общечеловеческим, прогрессивным принципам права, его глубинным, сущностным свойствами, говорить о необходимости признания правом свободных личностей, о связанности государства правом, т. е. о государстве законности, а с другой – критиковать буржуазные концепции «правления закона» и «правового государства», которые утверждают весьма близкие, сходные тезисы? На самом деле, никакого противоречия здесь нет, да и сам автор подчеркивал, как уже отмечалось выше, что «это – не просто смена терминов, а принципиально новый подход» (с. 194): одни и те же правовые идеи в одном случае находятся в контексте буржуазного эксплуататорского общества и потому оцениваются как лживые, фальшивые и убогие (с. 193–195), а в другом – в рамках социальной системы, выступающей против эксплуатации и «воплощающей высшие принципы

⁴¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сборник переводов. – Вып. 2. – М. : ИНИОН РАН, 1988. – С. 74.

⁴² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М., 1966. – С. 67.

социальной справедливости, гуманизма, подлинной свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся» (с. 195). Поэтому принимаемые в социалистическом обществе законы должны отвечать внутреннему специфическому содержанию права, сконцентрированному в его принципах и соответствующих требованиях. То, что провозглашаемые коммунистической доктриной идеалы не могли быть достигнуты когда бы то ни было в силу их утопичности, на тот момент еще не было полной очевидностью как для большинства ученых, так и для всего общества тем более. В своих оценках, характеристиках, анализе всего «социалистического» (права, законности и т. д.) С. С. Алексеев исходил, как уже отмечалось нами ранее, именно из провозглашаемых целей, идеалов и ценностей, которые разделялись в то время практически всем советским обществом, и социальными науками в том числе.

Целевые, ценностные суждения занимают важное место в социальных науках, и практически для любого общества весьма типична ситуация, когда реальные отношения не соответствуют провозглашенным идеалам (в тех случаях, когда подобное провозглашение имеет место). Возьмем, например, закрепленные нынешней Конституцией России идеалы и ценности – они далеко еще не достигнуты, но в отличие от созвучных им в ряде случаев коммунистических идей не являются утопичными, чему имеется немало доказательств, в том числе, например, и жизнь в странах, которые продвинулись намного дальше в достижении подобного рода гуманистических целей. Последнее доказывает их достижимость, как минимум, хотя бы на том уровне, на котором это имеет место в других странах. Однако представим себе ситуацию, когда при наличии закрепленных в нашей Конституции и в нашем праве в целом указанных социальных, политических и правовых идеалов и ценностей общество движется, на самом деле, не в указанном направлении, а совсем в ином и, более того, в направлении прямо противоположном: возрастает уровень эксплуатации (что выражается, в том числе, и в показателях децильного коэффициента – разницы между 10 % наиболее богатых и 10 % самых бедных, поскольку термин «эксплуатация» можно вполне заменить категорией «несправедливое распределение» общественного продукта⁴³), власть все больше и больше концентрируется в руках все более и более узкой олигархической группировки, которая предпочитает свои собственные персоны или своих ставленников демократическому выбору населения и потому либо искусно имитирует выборы, либо, когда сделать это невозможно, грубо попирает избирательные и другие права граждан, организует фиктивные уголовные преследования тех, кто отстаивает закрепленные в Конституции России права и свободы, и т. д., и т. п.⁴⁴ Примени-

⁴³ См.: Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // Социологические исследования. – 2014. – № 11. – С. 123: «В современной России имущественное и социальное неравенство находится на недопустимом, с точки зрения огромного большинства населения, уровне: по оптимистическим оценкам, децильный коэффициент равен 16–17, а в столицах и крупных городах, которые обычно являются центрами протестных движений, – и того выше: в Москве, по разным оценкам, от 44–45 и выше. По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции – 6, США – 14, России – 16, Мексике и Чили – 25, в Бразилии – 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР – 147». Более жесткую оценку дает Г. И. Козырев в статье «Конфликтный потенциал современного российского общества» (Социологические исследования. – 2017. – № 6. – С. 71): «Бедность в России обусловлена не только и не столько дефицитом производимого общественного продукта, а его несправедливым распределением; это “относительная бедность”... На конец 2016 г. децильный коэффициент официально составлял 16,5–17, но, по мнению экспертов, в официальную статистику Росстата не включаются доходы лиц из самых низов общества и данные о доходах наиболее богатых граждан. Поэтому, с учетом скрытых доходов, разрыв может достигать 40–50 раз и больше».

⁴⁴ См.: Денисов С. А. Административизация правовой системы. – Екатеринбург, 2005 ; Его же. Общая теория административного государства. – Екатеринбург, 2010 ; Его же. Административное

тельно к такой ситуации будет абсолютно уместна оценка провозглашенных в нашем конституционном и ином законодательстве институтов «правления закона», «правового государства» и им подобных как лживых, убогих и фальшивых, т. е. та самая, которую С. С. Алексеев давал в советские годы буржуазному государству и праву. Но поскольку сейчас нет давления социалистической идеологии, то дискурс может развиваться в рамках иного, более свободного тезауруса. В любом случае взгляды ученого оказываются сегодня не менее, а даже гораздо более актуальными в ряде отношений, чем почти полвека назад: читая его труды, мы можем не только понимать глубже многие обсуждаемые ныне теоретические проблемы юриспруденции, но и анализировать под совершенно иным углом зрения российскую социально-экономическую и политико-правовую действительность.

С. С. Алексеев подчеркивал, что деятельность государственного аппарата должна находиться под гораздо более пристальным юридическим контролем, поскольку нарушение законов со стороны государственных органов имеет более опасные последствия, чем несоблюдение юридических норм отдельными гражданами: последнее «еще не означает нарушения режима законности (если нарушения быстро пресекаются, ликвидируются их последствия, восстанавливаются нарушенные права и т. д.). В то же время неуважение к законам, проявленное со стороны государственных органов, всегда означает нарушение режима законности. Само понятие “произвол” как антипод понятия “законность” сложилось применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц; к противоправным действиям отдельных граждан оно применимо лишь постольку, поскольку соответствующие государственные органы эффективно и своевременно их не пресекают» (с. 181–182). Получается, что и в случае противоправных действий отдельных граждан к государственному аппарату предъявляются требования защиты безопасности, прав и свобод других граждан, которые вылились сегодня во вполне устоявшееся требование правозащитной и в том числе соответствующей судебной практики (главным образом ЕСПЧ, КС РФ), когда государство, его должностные лица и представители признаются нарушителями прав и свобод человека не только в случае непосредственных противоправных их действий против отдельных лиц (прямой произвол государственных органов, их должностных лиц), но и в случаях, когда они не обеспечивают необходимой правовой защиты человека от противоправных действий третьих – не относящихся к госаппарату – лиц.

13. Право – это моральная ценность, утверждающая справедливость и общечеловеческие принципы нравственности. Возвращаясь к вопросу о факторах, определяющих специфическое содержание права, следует указать на нравственность, о связи которой с правом автор писал в данной работе неоднократно и в разных аспектах. Так, «с этической стороны, – отмечал ученый, – право связано с принципами морали, в том числе с утверждением элементарных, общечеловеческих принципов нравственности и общежития.

Нравственную основу права с предельной отчетливостью подчеркивал К. Маркс. Он обращал внимание на то, что если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность. Утверждение в праве безнравственности есть произвол, беззаконие – “законодательный произвол”» (с. 156).

Таким образом, мораль и нравственность общества лежат в основании права. Однако **«особо существенное значение для права имеют начала справедливо-**

общество. – Екатеринбург, 2011 ; Его же. Реальное государственное право современной России : в 3 т. – Екатеринбург, 2015–2017 ; Его же. Имитация конституционного строя : в 4 кн. – Екатеринбург, 2018–2019. Эти и многие другие работы ученого выставлены на его персональном сайте: URL: <http://denisov11-12.narod.ru/>

сти в их конкретно-историческом классовом выражении... Проведение справедливости немислимо без использования “равных мер” – начала справедливости органически связаны с правом. Они связаны настолько тесно, что **правовое в своей основе всегда конструируется и проводится на практике как справедливое...**» (с. 157, выделено нами. – А. С.). Эта важнейшая особенность права – нравственная его основа, связь с моралью и справедливостью – отмечалась в истории правовой мысли ранее, отмечается она и ныне – как в зарубежной литературе (о связи права с нравственностью пишет, например, Роберт Алекси, о чем уже упоминалось выше), так и в отечественной⁴⁵. С. С. Алексеев придавал указанной связи особое значение, подчеркивая, с одной стороны, что «весьма существенной стороной соотношения права и морали является то, что право может быть охарактеризовано в качестве формы общественного регулирования, *основанной* на господствующей морали, которая *пронизывает* его содержание, во многом определяет его облик, его черты», а с другой стороны, «право в классовом обществе может быть охарактеризовано в качестве *одной из необходимых форм существования ряда принципов морали*» (с. 204). Именно потому, что «принципы нравственности пронизывают право, а также потому, что само право представляет собой явление в широком смысле моральное, оно может быть охарактеризовано в качестве своеобразного носителя морали и, следовательно, моральной ценности» (с. 207).

14. Право – это культурная и интеллектуальная ценность. Право является не только моральной, но и культурной, а также интеллектуальной ценностью. Сама по себе правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы и другие, например юридическая техника, правовой язык, представляют собой известные достижения культуры. В праве «происходит аккумуляция, сосредоточение ряда существенных прогрессивных элементов человеческой культуры, получающих новое, всестороннее развитие в условиях социалистического общества» (с. 203). Важным элементом культуры является правовая культура, которой охватывается «не только само по себе право, но и другие явления – правосознание, законодательная и юрисдикционная деятельность, практика работы государственного аппарата» (с. 203). Указание на уровень правовой культуры «выражает *оценку* состояния права, правосознания, юридической практики с точки зрения передовых, демократических принципов, совершенных приемов регулирования, правил юридической техники, а также уровня знания и понимания права в обществе, строгого и неукоснительного выполнения всех его предписаний, соответствия правотворчества и правоприменительной практики высоким требованиям социалистической законности» (с. 203). Отсюда задача развития правовой культуры есть «задача внедрения в право, в законодательство, в практику применения закона всего того, что характеризует право как существенную социальную ценность, явление социалистической культуры» (с. 203–204).

Социалистическое право (как и любое другое развитое право, добавим от себя) представляет собой также и интеллектуальную, или теоретико-познавательную, ценность. В этом выражается один из аспектов его значения как своеобразного явления культуры, в определенной степени отражающего познание объективной действительности. Анализируя весьма интересную и оригинальную концепцию А. А. Ушакова⁴⁶, полагающего, что право имеет самостоятельную познаватель-

⁴⁵ См.: Мальцев Г. В. Нравственные основания права. – 2-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2009.

⁴⁶ Ушаков А. А. О диалектике содержания и формы в праве, гносеологической функции права и категорий правового познания // Ученые записки Пермского государственного университета. – № 199. – Пермь, 1968; Его же. Очерки советской законодательной стилистики. – Пермь, 1967.

ную функцию, С. С. Алексеев исходит из того, что юридическая норма, отражающая волю законодателя, призвана прежде всего и в первую очередь регулировать реальные общественные отношения, а не решать самостоятельные познавательные задачи. Соглашаясь с пермским ученым в том, что познание объективной действительности выступает в качестве необходимой предпосылки правового регулирования, С. С. Алексеев пишет, что в правовых предписаниях и в особенности в дефинитивных положениях, на самом деле, отражаются результаты познания объективной действительности в том виде, в каком эти результаты освоены законодателем. Поэтому теоретико-познавательное значение права можно считать не самостоятельной и «даже не вспомогательной, а лишь сопутствующей общественной функцией права» (с. 209).

Ограниченное значение права как теоретико-познавательной ценности, продолжает свою мысль автор, связано не только с тем, что «право само по себе не направлено на познание объективной действительности, но и с тем, что, будучи идеологическим социально-классовым явлением, оно способно “отражать реальность в несколько смещенном виде”⁴⁷. <...> Однако все эти обстоятельства не препятствуют тому, что право в известных пределах обладает теоретико-познавательной ценностью, несет в себе “теоретическую энергию”» (с. 210). Ученый добавляет далее, что «теоретико-познавательная ценность права в довольно большой мере зависит от уровня развития юридической науки, ее роли в жизни общества, степени ее влияния на правотворческую деятельность государства.

Существенное значение здесь имеют: а) глубина и обстоятельность разработки юридических проблем, выражение в правоведении прогресса науки и б) учет достижений науки в праве, во вновь принимаемых нормативных юридических актах» (с. 211). Последние два момента обладают непреходящим значением и сегодня, ибо, с одной стороны, необходимы глубокие разработки в области юриспруденции, а с другой – своевременное и, главное, адекватное восприятие их законодателем.

15. Ценность права – в утверждении ценности личности, ее высокого положения в обществе. Завершается последняя глава обсуждением особенностей права как фактора духовной жизни, которые определяют и специфику его идеологического, морально-политического воздействия на общественную жизнь. Оно имеет место как в рамках механизма правового регулирования, так и вне его: «право оказывает и *непосредственное* идеологическое воздействие, т. е. воздействие, осуществляемое *помимо* механизма правового регулирования» (с. 214). Идеологическое, морально-политическое воздействие на общественное сознание осуществляется через ряд общих положений, в частности через предписания-задачи, являющиеся своего рода «нормативными директивами» или же правовыми принципами, которые имеют «нормативный характер (в то же время обладают большой силой непосредственного идеологического воздействия), и в органической связи с ними законодатель вводит в нормативные акты и чисто идеологические положения – призывы, обращения, декларации. Эти положения не участвуют в правовом регулировании. Они относятся к актам морально-политического руководства, которые выражают большую внутреннюю идейную силу социалистического общества. Но так как призывы, обращения, декларации формулируются в связи с нормативными положениями и, следовательно, в какой-то степени опираются на достоинства нормативной формы общественного регулирования, они обладают значительной силой идеологического воздействия» (с. 215). Далее в рам-

⁴⁷ Цитируются слова В. А. Туманова, который, в свою очередь, исходит из известной марксистской идеи о том, что буржуазная идеология – это «ложное сознание», иллюзорное восприятие социальной действительности (см.: Туманов В. А. Современный антимарксизм и теория права // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 63).

ках непосредственного идеологического воздействия права на общественное сознание в психологическом аспекте автор рассматривает (в одновременном противопоставлении буржуазной правовой доктрине) то, что он называет «идеей права и законности» в социалистическом обществе. Данная идея представляет собой «одну из важных сторон правосознания, выражающую непосредственное идеологическое воздействие права как *социальной ценности*. <...> “Идея права и законности” в условиях социалистического общества, – как видел ее ученый, – связана с дальнейшим укреплением социалистической законности. Социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность» (с. 216).

Идея утверждения правом ценности личности была фундаментом рассуждений ученого о социалистическом праве (не столько о реальном, сколько о праве желаемом) в первый – советский – период его творчества (даже если подавляющую часть своих работ в это время он посвятил специально-юридическому анализу права), та же идея осталась фундаментом и позднего периода его творчества, а также предпринимавшихся им усилий по проведению практических преобразований нашей государственно-правовой действительности в 90-х годах прошлого века, в частности в формулировании им главной правовой ценности российской Конституции – идеи высокого положения личности в нашей правовой системе, того, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, и того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ, а также ее гл. 2). Эта идея появилась в годы перестройки не на пустом месте, она вызревала в нашей доктрине еще в советский период, для чего были предприняты все необходимые фундаментальные теоретические разработки. Последние не только были крайне важны для научного анализа права и его ценности в советском обществе, но и оказались полезными, что стало понятно лишь сегодня, для того, чтобы данная идея была закреплена в новой российской Конституции. Огромен вклад С. С. Алексеева в доведение положения о ценности права, которое помимо прочего состоит в утверждении правом ценности личности и ее высокого положения в обществе, до законодательного – конституционного – закрепления, а еще раньше и до первых попыток ее практической реализации, которые были предприняты им на посту Председателя Комитета конституционного надзора СССР. К сожалению, даже сегодня не все представители российской юридической доктрины понимают непреходящую ценность данного концептуального положения, о котором ученый писал еще в советские годы и которое, по справедливому замечанию Нено Неновски, впервые обосновал марксизм⁴⁸.

Рассматриваемым положением об утверждении правом ценности личности, ее высокого положения в свободном от эксплуатации обществе, о личной неприкосновенности и безопасности завершается последняя глава работы, что далеко не случайно, ибо такая структурная компоновка результатов исследования проблемы ценности права предопределяет исключительно важный, центральный характер выдвинутой ученым идеи как для всей работы в целом, так и для обоснования то-

⁴⁸ Нено Неновски писал: «Необходимость создания экономических, социальных, политических и духовных предпосылок того, чтобы человек вообще, человек как представитель своего рода был возведен в ранг **высшей ценности**, ценности-самоцели, впервые обосновал марксизм» (Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг. ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М., 1987. – С. 185 (выделение Н. Неновски. – А. С.) ; см. также: Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83 (URL: <https://gu-ural.ru/uploads/2017/01/Vestnik-GU-2015-4.pdf>) ; Его же. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2017. – № 1. – С. 83–105 (URL: <http://www.ifp.uran.ru/ezh/ed/2017>).

го, в чем состоит один из важнейших, а возможно, и наиболее важный аспект анализируемой им социальной ценности права. В этой же главе, чуть ранее, ученый писал: «Таким образом, ценность социалистического права состоит, в частности, в том, что в современных условиях, вплоть до построения развитого коммунистического общества, **право является “хранилищем” субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным “правовым механизмом”, обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь»** (с. 186, выделено нами. – А. С.).

16. Социальная ценность права – в его «специфическом содержании, связанном с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости» и обеспечением порядка в обществе. В «Заключении» ученый подводит краткие итоги исследования, отмечая, что социалистическое право, хотя и не абсолютная, но *значительная социальная ценность*. Присущие социалистическому праву социально полезные свойства (высокая нормативность, формальная определенность, правовое принуждение, динамизм) дают возможность обеспечить надлежащее нормальное функционирование и развитие общественного организма, внести в социалистические общественные отношения единый, устойчивый, максимально определенный порядок и в то же время обеспечить реальность такого порядка, его соответствие изменяющимся общественным отношениям.

«Социалистическое право – это также экономическая, политическая, духовная ценность. Регулируя общественные отношения в области экономики, политики, культуры, морали, право становится носителем ценностей в указанных областях общественной жизни» (с. 218).

Социалистическое право – это также *«одна из великих ценностей нашего общества»* (с. 218), которому присуща тенденция *возрастания социальной ценности права*. Оно выступает в качестве значительного социального блага, необходимого элемента моральных и человеческих ценностей. Автор еще раз подчеркивает, что «правовое» в ходе исторического развития наполнилось «специфическим содержанием, связанным с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости и так далее, т. е. с тем, что характеризует право как волю, возведенную в закон. Правовое в этом смысле не является синонимом классово-волевого» (с. 220), а является, как следует из рассуждений ученого, синонимом общечеловеческого.

«...Сформировавшись на базе политического содержания, социально полезные свойства права, и прежде всего его нормативность, формальная определенность, динамизм, имеют относительно самостоятельное значение. Известное относительно самостоятельное значение приобретает также специфически правовое содержание юридической формы общественного регулирования.

А это позволяет дифференцированно подходить к определению перспектив развития социалистического права. В развитом коммунистическом обществе, – полагал автор, – оно отомрет в плоскости его классово-волевого содержания. “Правовое” же в смысле тех особенностей юридической формы, которые характеризуют его социальную ценность, имеет существенное значение и для коммунистического общества тоже. *В этой плоскости коммунизм и правовое – не антиподы»* (с. 221). Коммунизм, как мы сегодня знаем, оказался утопией, однако в любом случае можно согласиться с ученым в том, что Право – необходимый феномен любого развитого общества и вчера, и сегодня, и в будущем.

17. Аксиологический подход в праве. Публикация этой книги в 1971 году заложила фундамент в формирование и последующее развитие аксиологического направления исследований в советской, а ныне российской юридической науке⁴⁹:

⁴⁹ И в связи с этим совершенно невозможно согласиться с мнением Е. Н. Ярковой, высказанным ею в весьма интересной и солидной в целом работе, о том, что «аксиологический подход к

после ее издания последовали труды других советских ученых⁵⁰, был сделан перевод на русский язык работы болгарского юриста, профессора философии и теории права Нено Неновски⁵¹. Уделяется этому направлению большое внимание и в наши дни – как теоретиками⁵², так и отраслевиками⁵³, публикуются коллективные сборники⁵⁴ и монографии⁵⁵, защищаются диссертации⁵⁶. Надеюсь, что современ-

изучению права в современной российской юридической науке не получил должного применения и развития, что связано, главным образом, с традицией его определения с позиций господствующего до настоящего времени в российской правовой науке формационного похода как беспочвенного идеализма» (см.: Яркова Е. Н. История и методология юридической науки : учеб. пособие. – Тюмень, 2012. – С. 164).

⁵⁰ См. работы теоретиков и отраслевиков: Черданцев А. Ф. Аксиологические проблемы правоведения // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. – М., 1974 ; Его же. Социальная ценность социалистического права // Советское государство и право. – 1978. – № 7. – С. 21–28 ; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М., 1975 ; Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. – Казань, 1977 ; Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. – Львов, 1985 ; Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов, 1989 ; Макарова Е. А. Традиции и обновление в праве: проблемы ценностного подхода (обзор научной конференции) // Государство и право. – 1996. – № 5. – С. 105–108 ; Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М., 1996 ; Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. – М., 1998 ; Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119 и др.

⁵¹ Неновски Н. Право и ценности // пер. с болг. ; вступ. ст. и пер. В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М., 1987.

⁵² См.: Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и российское право // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 64–76 ; Его же. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 5–13 ; Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14 ; Бабенко А. Н. Правовая социализация как процесс освоения правовых ценностей // Государство и право. – 2005. – № 2. – С. 104–106 ; Жуков В. Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 21–34 ; Его же. Юридическая наука и ценности // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 5–16 ; Осин В. Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 46–55 ; Сидорова Е. В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. – 2012. – № 7. – С. 96–101.

⁵³ Витрук Н. В. Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации : в 2 т. – М., 2012 ; Кравец И. А. Конституция и ценности конституционализма как мега-парадигмы // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 44–55 ; Договор как общеправовая ценность. – М., 2018.

⁵⁴ См.: Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000 ; Право XX века: идеи и ценности. – М., 2001 ; Право как ценность : материалы дискуссии / отв. ред. Л. О. Иванов. – М., 2002.

⁵⁵ См.: Сухова Н. И. Социальная ценность права и ее обеспечение / под ред. В. Л. Кулапова. – Саратов, 2009.

⁵⁶ См.: Княгинин В. Н. Социальная ценность социалистического государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / ЛГУ. Ленинград, 1989 ; Гурлев А. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. – СПб., 2001 ; Селиванова О. Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ярославский гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2001 ; Дерипаско А. В. Жизнь человека как фундаментальная естественно-правовая ценность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Владимир. юрид. ин-т Министерства юстиции РФ. – Владимир, 2004 ; Сухова Н. И. Механизм обеспечения социальной ценности права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2005 ; Телегина В. А. Правосудие как социально-правовая ценность: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2006 ; Евсеев М. А. Право как социокультурная ценность современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Ин-т философии РАН. – М., 2006 ; Моджина Н. В. Право как ценность и его роль в воспитании личности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2006 ; Романова И. Е. Имидж судебной власти как ценность демократической культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2006 ; Баскаков А. Т. Абстрактное право как социальная ценность : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2008 ; Мороз Е. Н. Право-

ное прочтение изданной еще в 1971 году книги «Социальная ценность права в советском обществе» даст новый импульс развитию нашей юридической науки.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Laws, senior research fellow at RAS, the Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, dean of Law Faculty, head of Public Law chair, professor, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg); visiting professor of Paris-Quest University (France)

S. S. Alekseyev: The value of law is in securing and ensuring the rights and freedoms of the individual (introductory article to the reprinting of S. S. Alekseyev 's book "The Social Value of Law in Soviet Society")

The article is devoted to the analysis of S. S. Alekseyev's book "*Social Value of Law in Soviet Society*," which was first published in 1971 and reprinted in 2019. A general overview of the scientist's legal thought is given, two main periods in its development are distinguished – early and late, or respectively, Soviet and post-Soviet, special-legal and philosophical-legal, theoretical and practical legal, reformist. These two periods correspond to two epochs in the life of Russian society.

The book mentioned is written in the first period of the thinker's activity and is a striking exception to his works of the early period and at the same time shows that the fundamental foundations of his teachings remained the same for both periods, such ideas as : high piety before the Law – the most important social value – and before the dignity of the individual, his or her rights and freedoms enshrined in the Law, which was and is now their "repository", and continued attention to legal education as an essential means of enhancing the legal culture of society and ensuring the rule of law in its life. The book highlights the *direct value* of the Law – to consolidate and ensure the organization and regularity of social relations, including the consolidation of the position of the individual in society, his or her rights and freedoms, where the highest social freedom is freedom from exploitation and *non-direct value*, when the law expresses and perpetuates other values, including universal, social values, morals, progressive elements of democratic culture. Law is therefore also an economic, political and spiritual value. The definition of the law is analysed, which in this book has a non-positivistic nature, as it is connected by the thinker with the requirements for the internal content of the rules of law in the form of their compliance with the principles of justice, the presence of subjective rights and the known autonomy of the subjects. The main idea of the book is that *socialist* (socialism is understood here as an idea, not as a practice) *law* affirms the value of the individual, his or her high position in society, exemption from exploitation, personal integrity and security, subjective rights and freedoms of workers, ensures high level of organization and order in a society to combat arbitrariness.

Key words: social value; law; value of law; universal and class values; philosophy of law; special-legal theory of law; dogma of law; doctrine; rights and freedoms of the individual; dignity of the individual; freedom; equality; justice; socialism; communism; marxism; class approach; socialist law; socialist legality; anti-exploitative essence of socialist law; objective properties of law; normativity; formal certainty; coercion; dynamism; legal constructs; rights; subjective rights.